

Дарья Донцова

М тамп на сердце женщины- вамп

Любительница частного сыска

Даша Васильева

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Штамп на сердце женщины-вамп

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Штамп на сердце женщины-вамп / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2016 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 978-5-699-87926-7

Даше Васильевой фатально не везет... Андрей Локтев, главный редактор «Желтухи», сообщил: в редакцию явилась пятнадцатилетняя Марфа Демидова и поведала, будто Даша украла старинный медальон «Нарцисс» с драгоценными камнями с ошейника ее йорка Трикси. Локтев предложил Даше самой утрясти проблему с родственниками Марфы. Не успела Даша с ними разобраться, как в собственном доме нашли мертвой известную тусовщицу Вику Федорову. Ее дочь Катя, одноклассница Марфы, находится при смерти. На шее Вики висел тот самый медальон «Нарцисс». Марфа призналась: они с Катей стащили украшение из кабинета дяди Гены. Во время разговора девочке стало плохо, и она следом за подругой попала в больницу. Йорк Трикси умер. Даша считает: медальон отравлен, ведь все пострадавшие имели с ним дело. Любительница частного сыска начала расследование, и оказалось, что истина была закопана совсем в другом месте...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87926-7

© Донцова Д. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Донцова
Штамп на сердце женщины-вамп

© Донцова Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Семь раз понюхай, один раз съешь.

– Это что такое? – спросил Феликс, рассматривая содержимое своей тарелки.

– Пудинг вроде, – предположила Маша.

– Холодец, – объявил Дегтярев.

Я потыкала в нечто непонятное вилкой.

– Маловероятно. Заливное не бывает горячим, и оно смахивает на желе, а это совсем на него не похоже.

– Еда теплая, – тут же добавил полковник, – комнатной температуры.

– Пахнет знакомо, – пробормотал Маневин, – вот только не могу объяснить чем.

– Картошка с селедкой? – предположил Александр Михайлович.

– Весьма вкусное блюдо, – вздохнул профессор, – можно добавить к нему тонко нарезанный репчатый лук и немного подсолнечного масла.

– Оливковое полезнее, – сказала Манюня.

Феликс мечтательно произнес:

– Возможно, но моя генетика мужика, чьи родственники из поколения в поколение жили в России в деревнях, привыкла к нашему постному маслицу, такому ароматному, с запахом семечек.

– Картошка и селедка не подаются одним куском, смахивающим на пластилин, – остановила я мужа. – Не будем гадать, лучше спросим у повара. Люся, можно вас на минутку?

Феликс аккуратно отрезал от непонятного блюда кусочек и протянул его Хучу, который сидел около его стула и преданным взглядом смотрел на хозяина.

– Не давай собаке неизвестно что, – сказала Маша.

– Вот здорово, – засмеялся Дегтярев. – Значит, нам можно лопать странное блюдо, а псу нет?

– Звали? – крикнула тетка в мешкообразном платье, высовываясь из кухни.

– Скажите, пожалуйста, Людмила, – заговорил Феликс, – то, что я вижу сейчас...

– Вы меня искали? – завопила повариха.

– ...на своей тарелке, – продолжал Маневин, – как...

– Если что не так сделала, лучше сразу скажите, – голосила домработница. – Я замечания учту.

– ...называется, – договорил Феликс.

– Чего плохого случилось? – прокричала очередной вопрос Люся.

Я приуныла. Ну вот, Людмила пришла к нам примерно месяц назад и до сих пор казалась нормальной, а теперь начинаются странности. Неужели нам опять не повезло?

Интернет переполнен объявлениями вроде: «Коренная москвичка сорока лет ищет работу помощницы по хозяйству с проживанием. Имеет высшее образование, рекомендации от прежних работодателей. Стирка, глажка, уборка, готовка, присмотр за домашними животными. На руках есть санитарная книжка». А еще не счесть числа агентствам, которые готовы подобрать для вас домработницу со знанием китайского языка, умеющую шить, вязать, декламировать стихи Пушкина, исполнять па-де-де из «Лебединого озера», готовить любые блюда африканской и прочей экзотической кухни и драить квартиру зубной щеткой.

Мне не раз попадались на глаза и реклама агентств, и частные объявления, поэтому, когда наша домработница Анфиса сказала, что выходит замуж и больше не может работать в Ложкине, я спокойно ответила:

– Нам будет тебя не хватать, но мы рады, что ты устроила свою личную жизнь.

Через два дня после того, как Анфиса покинула наш дом, ко мне в гости пришла подруга Оксана и, узнав, что я временно осталась без помощницы по хозяйству, всплеснула руками:

– Разве можно было отпускать домработницу, не найдя ей замену?

Я объяснила:

– Жених Фисы затеял ремонт, а ей хотелось самой обустроить будущее семейное гнездышко. Ты же знаешь, как мужчины выбирают отделочные материалы, зайдут в магазин и схватят первые попавшиеся обои. Не волнуйся, завтра я найму нового человека.

– Сомневаюсь, что справишься так быстро, – покачала головой Ксюня.

– Нельзя быть такой пессимисткой, – заметила я и на следующее утро позвонила по номеру, который нашла в первом увиденном в Интернете объявлении.

Обладательница молодого голоса радостно закричала:

– Да, я ищу место с проживанием. Могу приехать прямо сейчас.

Я обрадовалась, продиктовала адрес, а потом созвонилась с Оксаной и успокоила ее:

– Все в полном порядке, в Ложкино уже спешит заместительница Фисы.

– Не вздумай ее сразу брать на работу, – сказала подруга, – сначала назначь испытательный срок.

– Ладно, ладно, – пробормотала я и добавила: – У женщины приятный голос, с характерным московским говором.

Но Оксана не обрадовалась.

– Ну-ну. Потребуй у кандидатки в Анфисы все документы.

Примерно через два часа раздался звонок, я открыла дверь, увидела темноволосую кареглазую женщину лет пятидесяти и удивилась.

– Вы к кому?

– Да мы с вами по телефону гутарили, – зачастила тетка. – Я Халя, помощница по хозяйству. Хде черевки снять? Охо! Это кто ж такой красивый щенок у вас! Херцох! Ой, ой, какой он кендюх отрастил, не здорово это.

Я уже сообразила, что гостя вместо «г» говорит «х», из-за этого вместо слова «герцог» произносит «херцох», а про черевочки я не раз читала в произведениях Николая Васильевича Гоголя. Вот слово «кендюх» осталось за гранью моего понимания.

– Прямо царь! – продолжала восхищаться женщина. – Хде раздеться можно? Туточки?

Я опомнилась.

– Да, пожалуйста. Скажите, Галя, вы москвичка?

– Уся родня здесь жила, и мамуля, и папуля, и бабки с дедами, – затараторила кандидатка в домработницы. – Я в столице с родильного дому зарегистрировалась.

– Можно посмотреть ваши документы? – попросила я, когда мы прошли в столовую.

Галя вытащила из кармана гору бумажек, среди них оказалась ксерокопия паспорта с фотографией, на которой практически невозможно было различить лицо. Если верить документам, то гостью звали Волковой Галиной Николаевной, ей стукнуло тридцать восемь лет, и проживала она в самом центре Москвы в Денежном переулке. Еще я увидела рекомендации от академика Серова, генерала Федотова и композитора Васильева. Все характеристики были напечатаны на принтере и кончались одинаковой фразой: «Волкова проработала в нашей семье тринадцать лет». Мне стало смешно.

– Галина, вам еще нет сорока?

– Да, да, – закивала врунья.

– А рабочий стаж, судя по представленным рекомендациям, почти совпадает с вашим возрастом, – сказала я. – Согласитесь, это странно. Вы взяли за веник и тряпку в первый год появления на свет? Наблюдается несостыковка в датах.

Кандидатка на должность домработницы растерялась, а я взяла телефон, набрала сохранившийся в его памяти номер, услышала знакомый молодой женский голос, нажала на кнопку громкой связи и спросила:

– Это вы хотите получить место домработницы?

– Да, да, – заверила лгунья, – могу прямо сейчас начать.

«Коренная москвичка» побежала в прихожую, я направилась следом за ней, говоря на ходу:

– Меня не волнует национальность помощницы по хозяйству. Украинка, таджичка, молдаванка, русская – мне без разницы. Главное, чтобы человек был честный. Вы не подходите, потому что сразу лгать начали.

Галина выбежала во двор, а я вернулась в столовую, увидела, что она забыла напечатанные на принтере бумаги, и бросила их в камин.

Больше я по частным объявлениям не звонила, обратилась в агентство, рассказала о встрече с Галиной, выслушала слова сочувствия и заверения: «У нас только хорошо проверенные кадры!»

Через три дня в Ложкино приехала элегантно одетая дама с дорогой сумкой. Звали новую претендентку на место домработницы Нина Валерьевна, она была из Петербурга, свободно владела английским языком, имела на руках настоящие документы, два диплома. Один выдала кулинарная школа «Отличный вкус», другой – Академия домашнего хозяйства. Нина могла приготовить любое блюдо, умела стирать, гладить белье по всем правилам, обожала животных. Я пришла в восторг и, естественно, поинтересовалась:

– На какую зарплату вы рассчитываете?

Нина Валерьевна положила папку на стол.

– Там все мои скромные требования.

Я вытащила из прозрачного кармашка лист бумаги и стала читать:

– «Проживание в отдельной комнате площадью не менее тридцати квадратных метров. В спальне должны находиться: кровать (ширина 2 м), тумбочка, два кресла, шкаф, телевизор. Мелкие предметы обстановки по желанию сотрудницы. Ковер шерстяной, натуральный. Ванная комната отдельная, не общая с гостями или хозяевами. Постельное белье, полотенца из натуральных материалов, без примесей синтетики. Вай-фай обязателен. Личная гардеробная. Рабочий день строго с десяти до семнадцати. Если нужно сделать что-то после пяти вечера, только за дополнительную плату. В доме должны присутствовать: посудомоечная и стиральная машины, сушка, гладильная доска с парогенератором. Еда за счет хозяев. Шесть раз в год покупать новую форму. Месячный оклад – триста тысяч рублей».

Дальше я читать не стала, сказала гостье, что она мне не подходит. Нина Валерьевна пробормотала себе под нос:

– Если нищие, то наймите корову из деревни, – и удалилась в гневе.

Через пятнадцать минут после ее ухода мне перезвонили из агентства и сурово заявили:

– Мы отправили вам лучшую из лучших. Чем Нина Валерьевна вас не устраивает?

– У нее завышенные требования, – честно ответила я, – моя спальня меньше той, которая нужна претендентке в домработницы. И зарплату как у президента требует.

– Мы работаем с VIP-клиентами, – с нескрываемым презрением ответил менеджер, – для них не проблема обеспечить таких высококвалифицированных сотрудников, как Нина, достойным заработком и нормальными бытовыми условиями. Помощница по хозяйству должна отдыхать и хорошо питаться, иначе у нее не хватит сил на работу. Очевидно, вам следует поискать простую бабу, без диплома и знаний по домоводству.

– Не подскажите, какое агентство подбирает непафосных домработниц? – смиренно спросила я.

– Понятия не имею, – фыркнули из трубки. – Поищите в Интернете, там такого барахла навалом.

Я приуныла. Из моря Всемирной сети я выловила лгунью Галю, а от профессионалов пришла Нина, которой надо обеспечить царские условия проживания и в придачу к окладу оплачивать как еду, так и переработки. Неужели в огромном городе нет нормальных женщин, которые за нормальные деньги согласны служить в хорошем доме, жить в светлой комнате, около которой расположен санузел? Да, туалет посещают и гости, и хозяева, ну и что? Нам не нужны экзотические блюда, никто из домашних не станет говорить с прислугой на японском языке, мы его не знаем. Нам требуется обычная честная женщина, любящая животных. Все! И где взять такую?

Не успела я окончательно впасть в уныние, как позвонила Оксана и командирским голосом сказала:

– Завтра к тебе придет Людмила Николаевна Попова, ей сорок пять лет, москвичка, детей нет. Жила в квартире на Ленинградском проспекте, потом вышла замуж, переехала к супругу, свою однушку сдала за хорошую цену. Высокая арендная плата за обычное жилье объясняется тем, что Люся по договору не имеет права выселять квартирантов в течение семи лет. Попова очень радовалась удачной сделке, полагала, что проживет в счастливом замужестве до конца своих дней, но брак рухнул, не продлившись и двенадцати месяцев. Бывший супруг-алкаш вещи жены выкинул на улицу. В ее однушке обитают съёмщики. Людмиле просто негде жить.

– Откуда ты ее знаешь? – удивилась я.

– Она в нашей больнице нянечкой работает, – пояснила Оксана. – Не в моем хирургическом отделении, а в платном, где толстяки худеют. Я навела справки, Люсю хвалят: ответственная, аккуратная, не пьет, не курит. Возьми ее на испытательный срок, пусть месячишко у вас поработает. Если она тебе понравится, то и хорошо, а коли не найдете общий язык, расстанетесь без обид.

– Отлично, – обрадовалась я.

Несколько недель назад Людмила перебралась к нам, все было хорошо, и вот сегодня утром она подала нам на завтрак нечто непонятное, и выяснилось, что она плохо слышит.

Глава 2

– Говорите громче, – надрывалась Люся.

Я окончательно сникла. Ну и как нам с ней общаться? Писать указания на бумаге?

– Вчера она не была глухой, – заметила Манюня.

Я встrepенулась. Действительно, мы нормально беседовали.

Маша встала и подошла к домработнице вплотную.

– Выключите музыку.

Люся всплеснула руками:

– Ой, я вообще забыла, что концерт слушаю. Простите.

Я только сейчас заметила тонкий белый проводок, который тянулся от кармана фартука к уху домработницы.

– Извините, – мямлила Людмила. – Дурная привычка. В больнице, когда полы мыла, всегда уши затыкала, чтобы от действительности отключиться.

– Из чего у нас завтрак? – спросила я Люсю.

– Это гречневая каша, – ответила та.

– Неужели? – удивился Феликс. – Гречка бывает или крупинками, или размазней. А у меня на тарелке блюдо похоже на холодец.

– По мне, это брусок хозяйственного мыла, – заявил Дегтярев.

Я покосилась на полковника, он так уверенно говорит, неужели когда-то пробовал мыльце?

– Потому что гречу народ неправильно готовит, – заговорила Люся, – варит ее в кипятке.

– А как надо? – заморгала Маша. – Не могу претендовать на звание «Хозяйка года», но гречку умею варить и всегда высыпаю крупу в кипящую воду.

– Я десять лет работала в отделении, где все наши звезды оздоравливались, – начала вещать Людмила. – Приведут их страшными, морды серые, животы арбузами, руки-ноги трясутся, матерятся все время. Глядишь, через две недели брюхо потеряли, порозовели, нервы вылечили.

– И как это у них получалось? – заинтересовался Дегтярев. – Я год сижу на диете, не прекращая, и четыре кило набрал.

– Странный результат самоограничения, – удивился Феликс. – Может, тебе к врачу сходить? К эндокринологу? Вдруг со щитовидкой беда. Если человек ограничивает себя в еде, вес должен уменьшаться.

– Ключевые слова тут: «если человек ограничивает себя в еде», – засмеялась Манюня, – полковник просто обжора.

– На завтрак ложка геркулеса на воде, в обед чашка отварных овощей без масла и соли, вечером огурец и тридцать граммов куриной грудки. Это, по-твоему, много? – возмутился полковник.

– Так здоровье угробить можно, – ужаснулся Феликс, – нельзя совсем лишать себя жиров. И калорий очень мало для тебя.

– Не переживай, – захихикала Манюня, – Александр Михайлович сейчас назвал три приема пищи. А вот про вафли, белый хлеб с сыром, конфеты он упомянуть забыл.

– Не приближаюсь к перечисленным продуктам, – запротестовал Дегтярев.

Манюня показала на хрустальную вазочку.

– Вчера я насыпала сюда целый пакет кешью. И где орешки? Мама их не ест, Феликс тоже. Почему ладья пустая?

Глаза полковника забегали из стороны в сторону. А я услышала тихое гавканье, повернула голову на звук и закричала:

– Мафи! Как тебе не стыдно! Воспользовалась тем, что все отвернулись! Залезла на стул и теперь нагло хомячишь сухари из корзинки?!

Собака живо прыгнула и села у буфета. Хучик горестно заскулил.

– Переживаешь, что тебе не сбросили вкусняшек? – засмеялся Феликс. – Сам разбоем не занимаешься, пользуешься плодами воровской деятельности Мафи?

– Мафуся мастер тырить все, что плохо лежит, – вздохнула Маша. – Хитрая до жути.

– И упорная, – добавила я. – Неделю охотилась на мой новый крем для тела, он пахнет печеньем. Только из ванной выйду, Мафи с невинным видом у двери сидит, вроде как пришла проведать, чем я занимаюсь. Но я-то поняла, что ей средство для тела понравилось.

– И чем дело завершилось? – заинтересовался Феликс.

– Вчера вечером я нашла на полу у мойдодыра разгрызенную упаковку, – пожаловалась я, – изнутри она до блеска вылизана. И как только Мафи дотянулась до верхней полки? Мне, чтобы банку взять, приходилось на пуфик вставать.

– Мусик, она то же самое проделала, – рассмеялась Маша, – запрыгнула на пуф.

Я посмотрела на весело улыбающуюся, усердно размахивающую из стороны в сторону хвостом Мафи и повернулась к Манюне:

– Полагаешь, что собака, приняв вертикальное положение, окажется одного роста со мной? Между прочим, во мне метр шестьдесят четыре сантиметра.

– Так вот кто кешью слопал! – запоздало догадался свалить вину на псину Дегтярев. – А вы на меня напали. Тяжела жизнь бездомного!

Мне стало смешно. Александр Михайлович опять переселился в наш особняк и занял свою старую спальню, потому что его сын Тема, с которым полковник жил последнее время, счел, что старый коттедж маловат, без всяких сожалений сломал его и затеял строительство нового. Сам Тема поселился в гостевом домике, там две комнаты и кухня. Дегтярев тоже сначала устроился в садовой избушке, вот только он, любитель комфорта, в свободный день предпочитает спать до полудня, а потом медленно пить кофе со сдобными булочками. Тема же вскакивает в шесть, начинает напевать, включает кофемашину. Звуки беспрепятственно проникают в крошечную светелку, где тут же просыпается толстяк. Спустя неделю после переселения из большого дома в крохотный Александр Михайлович спросил у меня:

– Как думаешь, за какое время построят новое здание?

Я сразу поняла, чем вызван его интерес, и, сохраняя на лице серьезное выражение, ответила:

– Если оно по размерам, как наше, и тоже складывается по кирпичику, то коробку поставят месяцев за восемь-десять.

– Долго как, – покачал головой толстяк.

– А въехать можно будет через два года, – подытожила я.

В глазах Александра Михайловича заплескался ужас.

– Почему так долго?

Я начала загибать пальцы:

– Проведение отопления, канализации, электричества, установка котлов, бойлера, фильтров, штукатурка-покраска стен, потолков, укладка паркета. После того как стены будут возведены и уложена крыша, начнется самая долгая и дорогостоящая работа. С момента рытья котлована до торжественного перехода кота через порог, как правило, проходит три года. Но это при условии, что хозяин не хочет эксклюзива. Вот мой бывший муж Макс Полянский возводил фазенду семь лет, ему делали по спецзаказу в Германии двери, люстры изготавливали в Италии...

Александр Михайлович ушел в самом мрачном расположении духа. На следующий день он заглянул к нам в районе восьми вечера и запел:

– У Темы гости, дым коромыслом, можно я переночую у вас?

– Конечно, – милостиво разрешила я. – Твоя комната всегда свободна.

Все. Полковник больше не ушел, он тихой сапой перетащил все свои вещи, обосновался у нас и сейчас доволен донельзя. Единственное существо в доме, с которым у Александра Михайловича непростые отношения, – это Мафи. Собаку привел к нам Игорь, сын Зои Игнатьевны, бабушки Феликса¹. У Гарика постоянно возникают идеи разбогатеть, Мафи была приобретена им для натаскивания ее на поиск трюфелей в лесах Подмоскovie. Увы, Мафи оказалась неспособной ученицей, да еще обладательницей на редкость шkodливoгo характера. Она быстро разочаровала Игоря и в конце концов осталась в Ложкине. Я вздохнула. Слава богу, Зоя Игнатьевна вместе с чадами уехала от нас. Ох, лучше забыть о них. Давно заметила, стоит мне о ком-то подумать, как он тут как тут!

Не успела я выбросить из головы мысли про родственников мужа, как раздался звонок домофона.

– Бегу, бегу, – закричала из кухни Люся, и тут же послышался звон.

– Ой, мамочки, – запричитала домработница. – Миску эмалированную с котлетами уронила!

Мафи рванула к плите, она явно услышала знакомое слово «котлеты». Хучик вразвалку поковылял за паглем². А я, полная нехороших предчувствий, направилась в прихожую, несмотря на погожий майский день, мне почему-то стало холодно. Неужели прикатила Зоя Игнатьевна? Дашенька, зачем ты о ней подумала? Лучше бы вспомнила про тайфун или цунами.

Я распахнула дверь и сначала обрадовалась, это была вовсе не бабушка Феликса. Потом пришло удивление.

– Андрюша? Заходи.

– Давай в саду на скамейке посидим, – предложил приятель.

– Ты приехал на служебной машине? – спросила я, увидев за оградой черный седан, на дверях которого белела надпись «Наши новости самые быстрые». – Прибыл в Ложкино как корреспондент?

– Хозяин улетел отдыхать, – понизив голос, сообщил Локтев. – Кирилл с женой решили уединиться в Индии в одном ашраме. Медитация, йога, две недели без телефона, компьютера, никакой связи с внешним миром. Говорят, это их реабилитирует. Якин понятия не имеет о нашей давней дружбе, поэтому велел мне разобраться с кражей медальона.

Я уставилась на журналиста.

– С чем?

– Ты знакома с Марфой Демидовой? – задал тот свой вопрос.

– Впервые про нее слышу, – заверила я.

– А вот она тебя знает, – прищурился журналист.

Я вышла на крыльцо.

– В четверг я приехала постричься, но мой мастер Саша извинился: «Предыдущая клиентка опоздала на час. Уж простите. Не хотел ее сажать, но она закатила скандал».

– Ерунда, посижу, выпью кофе, – улыбнулась я.

Через десять минут ко мне подошла молодая женщина с тюрбаном из полотенца на голове.

– Вы Дарья? Я Аня, по дороге в салон попала в жуткую пробку, а вечером у меня ответственная тусовка. Мне так неудобно, что вам приходится из-за меня в холле сидеть.

– Нет проблем, спокойно почитаю, – ответила я.

Дама протянула визитку.

---

¹ История появления Мафи в доме Даши Васильевой описана в книге Дарьи Донцовой «Приват-танец мисс Марпл».

² Пагль – порода собак, наполовину мопс, наполовину бигль.

– Может, я пригожусь вам.

Я пробежала глазами по тексту на визитке – «Анна Глатман, адвокат по уголовным делам» – и выпалила:

– Уж лучше вы к нам.

Анна рассмеялась и ушла.

– Ну и как? Можно нас считать знакомыми? Вероятно, мы сталкивались где-то с Марфой Демидовой, да и только.

Андрюша вынул из сумки айпад.

– Слушай. «Всегда перед тем, как выгулять своего йорка Трикси, я тщательно его одеваю. В тот день на Трикси был розовый комбинезон от модельера Бергали, на ошейник я повесила антикварный медальон «Нарцисс», он принадлежал моей прабабушке. Украшение очень дорогое, с натуральными камнями – бриллианты, изумруды, рубины, золотая оправка. Во время прогулки Трикси забежал на чужой участок, но я это не сразу заметила».

Андрей остановился.

– Ничего не припоминаешь?

Я показала на дорожку у калитки.

– На днях вон там на нашем участке я увидела прелестную маленькую собачку, раздетую, как девочка-детсадовка, которую заботливая мама привела на праздник. На Трикси было розовое платье с кружевами и стразами, челку придерживала сверкающая заколка. Оставалось гадать, откуда взялась милашка. Я подошла к песику, а он затрясся. Чтобы его успокоить, я взяла йорка на руки и начала гладить, решив, что занесу потеряшку в дом и позвоню на охрану. Секьюрити знают, у кого в поселке живут йоркширские терьеры, обзвоню всех хозяев и найду того, от кого удрала красотка в розовом. И тут вдруг раздался крик:

– Не трогайте Трикси!

По ту сторону забора стояла девочка лет четырнадцати-пятнадцати.

– Отдайте мою собачку, – сердито приказала она.

Грубость незнакомки меня неприятно удивила, но я открыла калитку и спокойно объяснила:

– Похоже, ваш песик случайно зашел к нам. Я хотела связаться с администрацией поселка и спросить, где живет эта прелесть.

Девица вошла в сад, выхватила у меня собаку и унеслась. Школьницу я раньше в Ложкине не видела. Трикси тоже. Возможно, они приехали к кому-то в гости или родители девочки сняли дом, у нас тут несколько коттеджей сдается. Розовое платье я хорошо помню, и медальон тоже. Увидела, что на тонкой полоске, обвивавшей шею йорка, болтается какая-то штучка, обрадовалась, подумала, там телефон владельца, начала изучать подвеску, но услышала крик девочки и не успела как следует разглядеть украшение. Оно очень сверкало, но мне и в голову не могло прийти, что медальон с настоящими бриллиантами и изумрудами. Кто же подобное на собаку повесит? Конечно, если бы я внимательно рассмотрела украшение, то поняла бы, что оно дорогое, но из-за воплей девочки мне не удалось это сделать. Да что случилось?

– Слушай дальше, – велел Локтев и продолжил чтение. – «Мы с Трикси пошли на площадку, я отстегнула поводок, поговорила минуту с подружкой и поняла, что Триксиюльки нет. Боже! Моя собачечка! Я стала бегать по дороге, но Триксочка исчезла. И вдруг послышался лай. Я поняла, что звук доносится из сада соседей, толкнула их калитку и увидела тетку, которая держала Трикси. Она сказала: «Йорк потоптал наши розовые кусты, а они стоят немалых денег. Пришлю вам счет». Я начала извиняться, но соседка разозлилась: «Валите отсюда! Держи пса подальше от моего особняка». Потом она швырнула Трикси мне, я схватила йорка, пошла домой, начала раздевать свою девочку и заметила, что на ошейнике нет медальона. Я побежала назад на соседний участок, позвонила в домофон, сказала: «Простите, Трикси потеряла у вас подвеску, можно я поищу ее?» Тетка заорала: «Ничего у нас нет». Я очень рас-

строилась. Вечером того же дня около семи меня послали в магазин при поселке. Я шла мимо ворот той соседки, а она как раз в вечернем платье стояла у калитки. На ее шее висел медальон моей прабабушки. Я сказала: «Отдайте кулон, это наша семейная реликвия». Дарья Васильева быстро накинула на плечи шарф...»

– Что? – подпрыгнула я. – Речь идет обо мне? Я украла медальон?

– Ну да, – кивнул Андрей.

– Полный бред, – отрезала я.

– Марфа Демидова – твоя соседка, – сказал Локтев и показал на кирпичный дом, выглядывающий из-за елей.

– Так здание в очередной раз продали, – протянула я. – У коттеджа на редкость несчастливая судьба, несколько раз он переходил из рук в руки, и с каждым владельцем случались несчастья. Один умер от гепатита, второго посадили в тюрьму, третьего хотели убить, потом особняк довольно долго пустовал. Иногда риелтор привозил каких-то людей. Не знала, что у коттеджа опять появились хозяева...

– Значит, йорк забегал на ваш участок! Это правда? – прервал меня Андрей.

Я начала объяснять:

– К нам постоянно заглядывают чьи-то кошки, они знают, что тут их никто не обидит. Но у нас нет кустов роз, а имейся они на самом деле, я бы никогда не стала требовать от людей денег на садовника...

– Значит, ты признаешь, что йорк в розовом платье с медальоном на ошейнике здесь побывал? – наседал Андрей.

Я встала.

– Ты решил сделать горячий материал? Знаю, что в «Желтухе» хранится список знаменитостей, которые никогда не попадают в поле зрения бульварной прессы, и поэтому любая скандальная новость о них самая лакомая. Я не сажусь за руль пьяная, не меняю любовников, не швыряю официанту в лицо непрожаренную котлету, не затеваю скандалов, но я не публичный человек. Никому вранье сумасшедшей девчонки не интересно. Мое имя не привлечет читателей.

– Вот тут ты ошибаешься, дорогая, – вздохнул Андрей. – Да, ты не поешь, не пляшешь, но ты богата и на свою беду вышла замуж за Феликса, чья бабушка завсегдай всех вечеринок и презентаций.

– С этим не поспоришь, – вздохнула я. – Зоя Игнатьевна уверяет, что беготня по тусовкам является тяжелой работой, объясняет свое присутствие на банкетах-фуршетах поиском новых клиентов для Института проблем человеческого воспитания, но это лукавство. Она обожает находиться в центре внимания, и для нее нет большей радости, чем увидеть свои фото в гламурной прессе, а они там постоянно появляются.

– Наверяд ли Зоя Игнатьевна обрадуется, прочитав статью в «Желтухе» о том, как жена ее внука присвоила антикварную ювелирку, – фыркнул Андрей.

– Ничего подобного я не делала, – возмутилась я, – не помню, когда в последний раз ездила в вечернем платье в гости. Да, я взяла на руки заблудившуюся собачку, подержала ее пару минут и вернула хозяйке. Медальон смутно помню и, естественно, не брала его. Я не воровка.

Локтев потряс айпадом.

– Здесь фото с торжества твоего бывшего мужа Макса Полянского. Ты недавно приехала в ресторан, где он отмечал день рождения. На тебе было черное платье. А ты пару минут назад говорила, что вспомнить не можешь, когда последний раз выезжала в свет. Странно, однако.

– Забыла про гулянку у Макса, – призналась я. – Не хотела в ней участвовать, но Полянский сто раз звонил, вот и пришлось идти. На вечеринке я провела максимум час и тихо смылась.

Андрей ухмыльнулся.

– Не важно, что пришла на тусовку через силу, главное, ты там была и попала в объектив. И все это случилось в тот день, о котором рассказала Марфа. По ее словам, ты сперла подвеску, а вечером она видела тебя с ней в вечернем платье. Ты утверждаешь, что никуда давно не ходила, но есть фото в новом выпуске журнала, на котором ты запечатлена на вечеринке у Макса в вечернем платье. Васильева, возникают справедливые подозрения.

Это было уже слишком. Я развернулась и стала подниматься по ступенькам крыльца.

– Подожди, – попросил Андрей.

Я обернулась:

– У нас с тобой длительное время были добрые отношения. Ты бывал в нашем доме на правах приятеля и прекрасно знаешь: я не способна на воровство. Но если ты считаешь иначе, то зачем общаешься со мной? От бабенок, совершающих мерзкие поступки, следует держаться как можно дальше.

– Отлично понимаю, что ты не такая, – тихо произнес Андрей.

Я вернулась к скамейке.

– Тогда в чем дело?

– Я не владею «Желтухой».

– Эка новость, – хмыкнула я. – Не секрет, что издание принадлежит Кириллу Якину, а ты нанятый им главный редактор. Ты молодец, прошел путь от простого репортера до начальника.

– Понимаешь, как мне не хочется проделать обратный маршрут? – прищурился мой собеседник. – Не сомневаюсь, что Демидова – врунья. Но Якин велел напечатать большой материал о краже подвески. Две полосы и твои снимки.

– О! Ко мне наконец-то придет слава, – съязвила я.

– Зря веселишься, – повысил голос Локтев. – У «Желтухи» многомиллионные тиражи, на тебя станут на улице пальцем показывать.

– Через три дня забудут, – беспечно отмахнулась я.

Локтев кашлянул.

– Двадцать лет назад я бы с тобой спорить не стал, но сейчас есть Интернет, в нем ничего не пропадает. Оцени последствия. Зоя Игнатьевна взбесится и начнет сживать тебя со света, проест плешь Феликсу, но не это самое неприятное. Сейчас профессор Маневин ведет переговоры с одним из самых престижных старых колледжей Европы.

Я изумилась:

– Да, но откуда у тебя эти сведения?

Андрей развел руками.

– Дашенька, я же ас, у меня много информаторов.

– Не думала, что твое издание заинтересует профессор антропологии, – усмехнулась я. – Мой супруг не певец, не политик, не актер, не писатель, он ученый, преподаватель. Основная масса населения нашей страны понятия не имеет, что за зверь такой антропология. И при чем тут работа Феликса?

– Ты наивная незабудка, – вздохнул Локтев. – Едва газета со статьей о тебе появится на прилавках, Маневину мигом откажут в контракте. В Европе репутация человека – главное. Профессору, у которого жена воровка, там не разрешат обучать даже мусорщиков, что уж говорить о колледже, выпускники которого делают головокружительные карьеры, становятся дипломатами, премьер-министрами, редакторами самых уважаемых газет. Да Феликса даже на пушечный выстрел к помойке этого учебного заведения не подпустят.

Мне стало не по себе, Локтев прав, для европейцев очень важна безупречная репутация человека, потом я разозлилась.

– Хватит ходить вокруг да около! Говори прямо – ты намерен опубликовать эту ложь и чушь? Отличная идея, но на нас с Феликсом много не заработаешь, мы неинтересны тем,

кто читает «Желтуху». Твою газету со скандальным материалом про скромного профессора и его жену хватать не станут.

– Тише, не стартуй ракетой, – попросил Локтев. – Я пришел как друг. Не испытывай я добрых чувств к тебе, не стал бы рисковать карьерой, являясь сюда. Я не желаю вам с Феликсом зла. А вот Якин – другое дело, он настаивает на публикации статьи о краже медальона, мечтает потрепать нервы Феликсу.

– С какой радости Кириллу делать пакости моему супругу? – поразила я. – Они даже не знакомы.

– Ошибаешься, дорогая, Кириллу Маневин стоит поперек горла, – возразил Андрей. – Владелец «Желтухи» терпеть его не может, спит и видит, как твоему супругу насолить. И тут эта уродка малолетняя приехала! Прямо подарок моему боссу, он не знал, куда ее посадить, чем угостить.

Я не поверила своим ушам.

– Марфу принял сам Якин? Как она умудрилась к нему попасть?

Локтев вынул из кармана сигареты.

– У Кириюши есть личная помощница, Тамара Федоровна. На самом деле она ему тетка, сестра отца. Якин сирота, Тамара его единственная родственница. Она мальчика после гибели родителей воспитывала. Но это информация не для всех, я ее случайно узнал. Раньше я считал, что Тамарка просто предана Кириюше сильней собаки. Кабы не тридцатилетняя разница в возрасте, я бы мог подумать, что Тома в Кириллу влюблена, а он на нее не зарится. У Якина есть грешок, шеф обожает молоденьких блондинок. Такая традиционная заморочка. Девица должна иметь длинные волосы, быть тощей селедкой, глаза – озера, стройные ноги. Перед таким великолепием наш саблезубый тигр начинает капать слюной и добиваться взаимности. Уголовный кодекс он читает, несовершеннолетних не трогает, находит восемнадцатилетних. Чем дольше крепость держит оборону, тем продолжительнее будет роман. Девица, прыгнувшая в койку Кириюши после первого совместного ужина, вызывает у него разочарование. Это ему неинтересно. Лиса сама прыгнула в капкан. А как же охота? Погоня? Если же красотка демонстрирует полное равнодушие, а еще лучше отвращение, Кириюша заводится и атакует ее с применением тяжелой артиллерии: бриллианты, шубы, машина, поездка в Париж, путешествие на шопинг в Милан с безлимитной кредиткой. Мало кто способен выдержать такой прессинг, любая крепость в конце концов сдастся, и Кирилл сразу теряет интерес к симпатяшке. Марфа внешне полностью во вкусе Якина. Она приехала в редакцию, попыталась войти, ее, естественно, тормознула охрана. Девушка топталась у двери, и тут возникла Тамара Федоровна. Секьюрити кинулся открывать ей дверь. Демидова, сообразив, что появилось большое начальство, обратилась к Тамаре и начала рассказывать про Трикси, брошку и Дашу Васильеву.

Андрей вздохнул.

– Даже если бы не прозвучало твое имя, Тамарка все равно пригласила бы Марфу войти, Демидова – просто сбывшаяся мечта Якина. А уж когда она услышала о возможности сделать гадость милой Даше, то, схватив девицу в охапку, притащила ее в кабинет начальника и велела изложить свою историю.

Я опешила.

– Тетя владельца «Желтухи» поставляет девушек своему племяннику?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Локтев.

– Якин женат?

– Да, – подтвердил Андрей. – А что?

– Получается, что немолодая женщина поощряет супружескую неверность, – продолжала я недоумевать. – Как правило, дамы пенсионного возраста так не поступают.

– Все бабы разные, – философски заметил Локтев. – И Тамара знает: Якин все равно найдет кого-нибудь для души, а так она будет в курсе происходящего.

– Ладно, – кивнула я. – Марфа, похоже, не совсем здорова, придумала невероятную историю с йорком Трикси. Но больная голова Демидовой венчает красивое тело, поэтому врунья получила возможность предстать пред очами главнокомандующего армией папарацци. Кирилл – потаскун, Тамара Федоровна сводница. Я видела Якина всего пару раз, мельком, наше общение свелось к стандартному диалогу: «Как дела?» – «Спасибо, прекрасно, а у вас?» – «Все отлично». Почему упоминание моего имени распахнуло дверь кабинета Кирилла?

– Дело не в тебе, – пробормотал Андрей.

Я пришла в еще большее изумление.

– А в ком?

– Знаешь фамилию супруги Кирилла?

– Понятия не имею.

– Ройберг.

– И что? – растерялась я.

– Она тебя ненавидит.

Я заморгала.

– Более чем странно, учитывая, что мы никогда не встречались, я впервые слышу об этой женщине.

– Можно не знать человека и желать ему смерти, – парировал Андрей. – Ты больно прищепила эго госпожи Ройберг, которая нынче носит фамилию Якина. Ройбергом звали четвертого мужа красотки, до него она состояла в супружестве с Олегом Фоминым, Юрием Ковалевым и... Маневиным.

– Кирилл отвел в загс бывшую жену моего профессора? – догадалась я. – А между Феликсом и ним у дамы был брак с человеком по фамилии Ройберг?

– Точно, – усмехнулся Локтев. – Алиса – та еще ядовитая ягодка. Все ее отношения с мужиками развиваются по одной схеме. Очаровательная кисонька находит богатого бизнесмена и отводит его к алтарю. Счастье длится несколько лет, за это время Алиса получает машину, квартиру, бриллианты, счет в банке, ну и так далее, а потом она бросает Ромео и плавно перетекает в руки нового возлюбленного. С Фоминым и Ковалевым дело обстояло именно так.

Я вздрогнула.

– Феликс хорошо зарабатывает, но он не владеет нефтяной скважиной или банком, не торгует оружием, никелем, лекарствами, продуктами, он всего лишь ученый, правда, с мировым именем, его постоянно приглашают в разные заграничные колледжи читать лекции, но у Маневина нет внушительного состояния.

– Думаю, в случае с Феликсом Алиса дала маху, может, неточные о нем справки навела или попросту влюбилась, – предположил журналист.

– Сомневаюсь в последнем, – вздохнула я. – Маневин поймал ее на измене и ушел.

– Вот это самое обидное, – хмыкнул Локтев. – Первый раз с Алисой таким образом обошлись. До Маневина у нее в анамнезе было два зарегистрированных брака и легион любовников. Алиса всегда первой разрывала отношения, выкидывала за дверь вещи мужа. А с Маневиным получилось иначе. Это он развелся с женой и не желает иметь ничего общего с изменщицей. После разрыва с Феликсом у Алисы началась черная полоса. Несколько лет она не могла найти себе достойного мужа. Потом наконец появился Георгий Ройберг, которого дамочка обобрала и поменяла на Якина. Синяя птица удачи вернулась к симпатяшке, но она не забыла обиду, нанесенную Феликсом.

– Какие у нее могут быть претензии? – возмутилась я. – Маневин застукал ее в постели с другим.

Андрей покачал головой.

– Экая ты душевно черствая. Ну и что? Феликсу следовало простить милашку, купить ей подарок.

– Презент за прелюбодеяние? – уточнила я.

– Конечно, – серьезно сказал Локтев. – Алиса получила моральную травму, когда супруг неожиданно вошел в спальню, где она со своим тренером по фитнесу развлекалась.

Я уставилась на Локтева, а тот расхохотался.

– Дашутка, у тебя просто нет опыта общения с такими особами. А я их постоянно вижу. Алиса – мастер манипуляции, ухитряется вертеть умными мужиками, как глупыми щенками, находит у каждого слабое место и давит на него. Облом случился один раз, имя ему Феликс. Маневин Алисе в лицо заявил: «Вы непорядочная женщина, убедительно прошу забыть дорогу в мой дом». Феликс чересчур вежливо говорил, но брезгливо. И это Алису бесит по сей день. У нее всегда выходило, что мужья виноваты. Собираясь поменять одного супруга на другого, провоцировала опостылевшего партнера. Действовала умно, не хамила, не зудела, но так себя вела, что мужик не выдерживал и навешивал ей пощечин. Алиса не защищалась, разрешала себя избить. Наутро супруг просил прощения, а она холодно заявляла: «Синяки я доктору показала. Или разбежимся на моих условиях, или я на тебя заведу уголовное дело за избиение».

– Откуда тебе известны такие факты? – перебила я.

Андрей сломал так и не зажженную сигарету.

– Я писал материал о разводе Ройберга, кое-что меня смутило, я напросился к Георгию на интервью. Он о бизнесе охотно курлыкал, а о бывшей женошке вообще ничего не рассказал, отделался фразой: «Не сошлись характерами». Через пару недель еду я домой, гляжу, на обочине шикарный «мерс», габариты потушены, двери открыты. Время позднее, район глухой, я подумал, вдруг что случилось, пошел посмотреть и обнаружил за рулем в хлам пьяного Георгия. Вовремя я на машину внимание обратил. Едва я Ройберга в свою тачку усадил, полиция прикатила. Я им сказал: «Притормозил поглядеть, что приключилось, но внутри никого не было». И живо уехал. Привез Георгия к себе, утром он очухался... Ну и рассказал за кофе, что за фрукт Алиса, прорвало его. Долго говорил, потом деньги начал в руки мне совать со словами: «Не публикуй интервью, сам не знаю, почему язык распустил». Ну я же не подлец! Только тебе сейчас рассказал, потому что знаю: ты у нас сейф, ни слова наружу не просочится. Я от Ройберга узнал: Алиска взбесилась, что у тебя с Феликсом роман. Прямо места себе не находила, профессору звонила, пыталась его в гости заманить, чтобы переспать с ним. Она отлично знает щепетильность Феликса, надеялась, что тот признается невесте в измене и бракосочетание не состоится. Георгий объяснил: «Она манипуляторша. Филигранно владеет искусством доведения мужика до потери сознания. За полгода до развода так со мной разговаривать стала, что я орать начал, обзывать ее. Вроде ничего бранного не говорила, но тон! Мимика! Только домой приду, она с упреком:

– Дорогой, опять приехал с работы за полночь.

Я отвечаю:

– Прости, припозднился, совещание затянулось, пришлось директоров строить.

И слышу в ответ:

– Конечно, понимаю. Бизнес. Я одна сутками сидеть могу. Ничего. Ах, вчера я видела Таню Петрову, они с мужем в театр шли. Такие счастливые. Она вся в бриллиантах. Видно, Петя жену любит, в свет выводит, ювелиркой осыпает.

Тяжелый вздох. Глазки в пол. Шмыганье носом. Уголки рта вниз, взор с укоризной, всхлипывания... И почему на меня этот спектакль так действовал? Не знаю. Но эффект всегда одинаковый получался, я начинал вопить:

– Значит, я к тебе плохо отношусь? А на какие шиши ты в Лондон за шмотками едешь?

И дальше как по нотам. Чем дольше я воплю, тем громче и злее получается. Прямо несло меня. Думаешь, она хоть раз ответила, в скандал ввязалась? Нет. Сядет на стул, руки на коленях

сложит и молчит. А у меня дерьмо в вентилятор попало, по всему дому его расшвыряло, остановиться не могу. Когда кое-как успокоюсь, Алиса встанет и уйдет, по щекам слезы катятся. Утром я себя всегда сволочью ощущал. Обругал ни в чем не повинную жену, она тихо рыдала. Хватаю кредитку и в ювелирный. И такие сцены почти каждый день. Один раз до того меня довела, что я, осатанев, ей морду начистил и в кровать упал. Так от скандала устал, что до обеда проспал, а когда очнулся, Алиса бумагой размахивает. Она в травмпункт сбегала, побои зафиксировала и нежно залопотала:

– Зачем нам жить вместе? Ты меня ненавидишь, обзываешь по-всякому, сейчас до вечера дошло. Давай мирно разойдемся. Ты отдашь мне квартиру, купишь новую машину, положишь деньги на счет, и прощай. Откажешься меня обеспечивать, отнесу заявление о побоях в полицию, уголовное дело откроют, ты на адвокатах разоришься.

И я выполнил ее требования, не потому, что суда испугался, виноватым себя ощущал. Только когда моя бывшая через день после развода к Якину переехала, я сообразил: Алиса решила меня на того, кто побогаче, заменить и сделала так, что виноват в разрыве я. Кто орал, на метле летал, жену побил? Я! Вот она, бедная, и не выдержала. Но на самом деле меня просто доводили до развода».

Андрей высypал остатки сигареты на землю.

– Алиса Ройберга постоянно упрекала: «Почему не стер Маневина в порошок? Тебе безразлично, что он меня бил? Видел синяки, с которыми я к тебе один раз в слезах прибежала?»

Георгий ей в ответ:

– Да. Но что я могу сделать?

Она сразу злиться начинала:

– Придумай! Не хочу, чтобы он счастливо жил.

Но Ройберг только руками разводил.

Андрей встал.

– Ну, потом Алиска нашла себе Якина, тот побогаче Ройберга, поменяла коня на переправе. И вскоре после свадьбы принялась Кирюху обрабатывать.

– Опубликуй статью про Маневина, напиши, что он сволочь, мерзавец, гад, подонок.

Кирилл возражал:

– Нужен повод. А его нет.

Алиска ныла:

– Подумаешь, солги.

Якин ей объяснял:

– Врать нельзя, за это в суд подадут, штраф придется платить.

Алиска прямо зверела, когда это слышала.

И вот бывшей жене Феликса повезло. Появилась Марфа с рассказом про медальон. Алиса обрадовалась. Ну прямо именины сердца.

Меня стало подташнивать, а Локтев продолжил:

– Сижу в приемной, жду, когда Кирилл освободится, и тут Алиса из коридора вырывается и напрямиком к супругу в кабинет направляется, а к тому Марфа только зашла. Тамара Федорова попыталась ураган остановить, ага, как же! Ну и узнала мадам историю Демидовой.

Когда девчонка ушла, Алиса потребовала:

– Немедленно сделай с девчонкой интервью. Расскажи всем про воровку Васильеву. Ты обещал отомстить Феликсу за меня. Ты же знаешь, как он надо мной издевался, бил.

Андрей сорвал травинку и начал мять ее пальцами.

– Ты у Кирилла под столом сидел? – усмехнулась я.

– Нет, в холле балдел, пока в кабинете шефа торнадо Алиса бушевало, – ответил собеседник.

– Откуда тогда подробности разговора в деталях знаешь? – задала я сам собой напросившийся вопрос.

Локтев улыбнулся.

– Дашенька, на начальство надо папочку завести. На всякий случай. Собирать нужную информацию, потом достать, если Кирюха над моей головой топор занесет. У него топор, а у меня папочка, она поострее лезвия ранит.

Меня осенило:

– Установил у босса в офисе прослушку!

– Этого я не говорил, – ухмыльнулся Локтев. – Как достаю информацию – моя тайна. А тебе нужно сейчас о другом думать. Помню, как ты меня от беды спасла. Долг платежом красен, поэтому я и приехал. Якин приказал сделать с Марфой большое интервью. Так вопросы формулировать, чтобы она побольше дерьма на тебя лила. Я человек подневольный, откажусь – Кирилл не посмотрит, что перед ним главный редактор, на раз-два меня выпрет, останусь без работы. У Якина большие связи, если он захочет, я и через десять лет никуда не устроюсь.

– Ты приехал получить индульгенцию? – поинтересовалась я. – Хочешь от меня услышать: «Конечно, Андрюша, пиши про меня вранье, пусть Феликс лишится контракта с европейским колледжем, главное, чтобы ты на своем посту остался». Ну так я это не произнесу. Сам решай, что должен делать.

Андрей начал ковырять носком кроссовки землю.

– Я уже придумал, как накормить волков, не трогая овец. Я не имею права игнорировать приказ босса. А вот Марфа может влегкую отказаться от интервью. Если она не пожелает беседовать со мной, заявит: «Я передумала», то Якин взбесится, но ничего сделать не сможет. Без рассказа Марфы материала про воровку Дашу не будет. Кирюха конкретно лажанулся. Он свою беседу с Демидовой не записал. Когда девица из кабинета ушла, Алиса на мужа налегла:

– Зови корреспондента, дай ему диктофон, пусть срочно накачает материал, ставь его в завтрашний номер.

Кирюха хвостом затряс.

– Так не поступают, Демидова только часть информации сообщила, надо к ней в поселок съездить, материал собрать на пару полос.

Но не на ту нарвался, Алиска ему в лоб:

– Не записал беседу?

Андрей рассмеялся.

– Получил от жены! Вот такой ситуэйшен. Сейчас босс с женой отвалили проветриться. Когда вернутся, материал про тебя, воровку, должен быть готов. Ступай к Демидовым, побеседуй с Марией Ивановной, бабкой Марфы, пусть прижмет вранье язык, объяснит ей: плохо будет, если статейка выйдет, ты затаскаешь ее за клевету по судам. Старуха в семье – генерал, она всеми делами вертит. Думаю, ей не понравится то, что внучка учудила. Геннадий Борисович, старший сын Марии Ивановны, владеет мебельной фабрикой, а еще он для особых клиентов эксклюзив мастерит. Ему постоянно заказчики нужны, а когда от людей зависишь, тем более от богатых и чиновных, нельзя героем скандала становиться. Короче, надави на бабульку. Думаю, сильно стараться не придется. Мария Ивановна живо внучку заткнет. Якин не получит материала, ко мне у него претензий не будет. Алиска от злости облысеет. Это все. Извини, что время отнял. Долг платежом красен, ты меня один раз из дерьма вытащила, теперь мой черед. Если Марфа не передумает, мне придется материал писать. Дружба дружбой, а своя рубашка ближе к телу. Времени у тебя мало, действуй, пока Кирюха с Алисой на берегу океана расслабляются. На вот папочку, нарыл тут для тебя немного инфы про семейство Демидовых, надеюсь, поможет при разговоре со старухой.

Глава 3

Локтев уехал, а я осталась сидеть на скамейке. Стоит ли говорить мужу о визите Андрея? Наверное, нет. Маневин очень расстроится. Не нужны Феликсу лишние переживания. Он ничего не сможет сделать с бывшей супругой. Сама справлюсь. Найду подход к Марии Ивановне, она заставит свою подлую внучку прикусить язык. Ну-ка, изучу содержимое папки, которую оставил Локтев. Я пошла в сад, легла на раскладушку и погрузилась в чтение.

Семья Демидовых раньше жила в центре Москвы в старом доме, построенном в начале двадцатого века. В небольшой трешке обитали Борис Константинович, сотрудник одного из московских НИИ, Мария Ивановна, его жена, врач-терапевт, и двое их детей: Гена и Миша, который был на пять лет младше брата. Евдокия Сергеевна, мать Марии, жила вместе с дочерью и зятем.

Пятерым людям не очень-то комфортно жилось в небольших апартаментах с шестиметровой кухней и крохотным санузлом, но тогда многие ютились в коммуналках. Демидовы мало чем отличались от своих немногочисленных соседей, у них не было машины, зато имелась избушка в деревне Козловка. В пятистенке всю жизнь прекрасно обитала Евдокия Сергеевна, но потом ее дочь вышла замуж за Бориса, родила Гену, и мать приехала помочь с младенцем. Декрет тогда давали на короткий срок, ребенка, которому исполнилось несколько месяцев, приходилось определять в ясли. Нет, никто не запрещал уволиться с работы и сидеть дома, но как прожить на одну зарплату? Научный сотрудник получал немного, да и терять трудовой стаж Мария не хотела. Поэтому Евдокия Сергеевна засучила рукава, стала для Гены нянькой, а для дочки и зятя домработницей. Не успел первый внук подрасти, как появился второй, и баба Дуня окончательно угнездилась в столице, в деревню она уезжала с мая по сентябрь, увозила на свежий воздух мальчишек и работала не покладая рук, закатывала на зиму банки. Когда ребяташки подросли и отпала необходимость везде ходить с ними за руку, Евдокия постарела, ей стало трудно носить воду из колодца, топить печь, и вопрос об ее возвращении на постоянное жительство в Козловку не поднимался. Баба Дуня осталась с дочкой и зятем, твердой рукой вела хозяйство.

Никаких бурных событий в жизни Демидовых не происходило. Были радости: Борис защитил кандидатскую диссертацию. Марию Ивановну сделали заведующей районной поликлиники. Денег стало больше, но машиной они так и не обзавелись. Геннадий окончил девять классов и поступил в художественное училище, он решил стать декоратором, делать реквизит для театральных спектаклей. Когда Гена перешел на второй курс, семья переехала в новую квартиру, сменила свою трешку на такую же по размеру, но в блочной башне в другом районе, в противоположном конце столицы. Почему Демидовы решили переехать? Обмену предшествовала череда мрачных событий. В доме Демидовых ограбили, изнасиловали и убили молодую женщину. На труп наткнулся возвращавшийся вечером с занятий Гена. Юноша, наверное, перепугался, и, конечно, его стали таскать в милицию для дачи показаний. Общение с сотрудниками отделения – не самая приятная вещь, но следствие закончилось. А куда деться от неприятных эмоций, которые испытываешь, входя каждый день в подъезд, где ты обнаружил труп? Скорее всего родители, чтобы избавить сына от нервного потрясения, в рекордно короткий срок провернули обмен. Долго квартиру не выбирали, переехали в первую попавшуюся. Не успели они обустроиться на новом месте и отойти от стресса, как скончался Борис Константинович. Его никак нельзя было назвать стариком, он никогда не жаловался на сердце, но у Бориса случился обширный инфаркт. Вскоре после похорон зятя умерла баба Дуня. Кажется, птица удачи навсегда улетела из гнезда Демидовых. Но рано или поздно тяжелые времена проходят. Гена получил диплом и устроился на работу в театр, создавал декорации, разные предметы, которые требуются по ходу действия спектакля: вазы, украшения, мебель.

Несколько лет он трудился в мастерской, а потом ему в голову пришла гениальная идея. В России тогда зарождался класс по-настоящему богатых людей. Они, в отличие от подпольных советских миллионеров, не скрывали свои доходы. Обладатели тучных состояний в СССР ставили в своих квартирах обшарпанные входные двери, ходили годами в одном пальто и не пускали в дом гостей, чтобы те, не дай бог, не увидели кузнецовские сервизы, картины великих мастеров, уникальные ковры. Их жены никогда не выгуливали свои шубы из соболя, детям строго-настрого запрещалось говорить, что они едят на завтрак черную икру. Такое поведение объяснялось страхом попасть в зону внимания ОБХСС³. Деньги в те времена богачи зарабатывали отнюдь не законным путем. Кое-кто шил в подпольных цехах одежду (особым спросом пользовались плащи из ткани «болонья» и женские костюмы из кримплена), а кое-кто просто воровал. Мужские и женские трусы тех лет держались на теле с помощью белой тонкой резинки. Она продавалась на метры в каждой галантерее и стоила дешево. Но никто не знал, что копеечный товар имеет сортность. Директор магазина получал его с фабрики с маркировкой «Три», а потом выставлял на прилавок под номером «Один». Первый вариант стоил десять копеек за метр, а второй – четырнадцать. Изделия ничем друг от друга не отличались, ну разве что чуть варьировался цвет. Разница в четыре копейки шла в карман директора и тех, кто его прикрывал. Всего-то четыре копейки! Вам смешно? Ну да, полная ерунда. Да только эта резинка нужна была всем, начиная с младенцев и заканчивая престарелыми бабушками-дедушками. Ее активно использовали домашние хозяйки, мужчины в гаражах. Ею перевязывали кипы бумаг, с ее помощью держались не только трусы, но и мебельные чехлы, простыни на кроватях, девушки стягивали резинкой волосы в хвост. В каждом доме, гараже, учреждении, в общем, везде имелись мотки этой очень дешевой резинки. В тысяча девятьсот шестьдесят первом году население СССР составляло двести шестнадцать миллионов человек. Умножьте эту цифру на четыре копейки и представьте, что одного метра потребителю мало. Понимаете теперь, почему дети директора какого-нибудь магазина «Галантерея» ели черную икру половниками?

В начале девяностых в России стали появляться другие богатые люди. Они не скрывали своих доходов, наоборот, демонстрировали их окружающим. Кичились роскошными домами, заграничной мебелью. Если советский человек мечтал купить ондатровую шапку и машину «Жигули», как у соседа, то нувориши изо всех сил желали обзавестись эксклюзивными вещами, и Геннадий понял это одним из первых. Он основал маленькую мастерскую, в которой начал производить мебель на заказ. Но предприятие не снискало успеха. Диваны, кресла, столы, стулья от Демидова стоили дорого, но это же были изделия российского мастера. А все, что произведено на родине, «новые русские» покупать не спешили, им требовался товар из-за границы. Гена прогорел, с горя пил три недели, а потом решил, раз ничего не получилось, потратить свои маленькие накопления на отдых. Демидов давно мечтал побывать в Великобритании, походить по замкам. Вот он и отправился в Шотландию, и там ему в голову пришла гениальная идея. Вернувшись в Москву, Демидов распечатал сделанные во время поездки фотографии, нашел снимок оригинального торшера, у которого вместо ноги была винтовая лестница, сделал копию, снабдил ее табличкой «Торшер. Восемнадцатый век. Собственность барона Мортира. Замок Труи» и позвонил одному из своих приятелей, дизайнеру Юрию Витову. Тот как раз оформлял квартиру толстосума, который заказал интерьер в классическом стиле. Светильник хозяину понравился, но он потребовал доказательства того, что напольная лампа на самом деле копия той, которой владеет барон. Геннадий предоставил снимки помещений замка. Нувориш заплатил солидную сумму и спросил:

- На фото виден письменный стол. Ты можешь его повторить?
- Не вопрос, – ответил Демидов, – получится один в один.

---

³ ОБХСС – отдел борьбы с хищением социалистической собственности.

– И дашь мне гарантию, что более ни для кого то же самое делать не станешь, – велел заказчик.

Спустя месяц Витов позвонил Демидову и сказал, что один из его клиентов хочет кровать, как у Наполеона.

Гена понял, что нащупал золотую жилу.

Сейчас у Демидова большая мастерская, в которой производят копии старинной мебели и аксессуаров. Хозяин набрал прекрасных специалистов, их работы не отличить от оригиналов. Геннадий Борисович – честный человек, никогда не врет заказчикам, что те получают антиквариат. Нет, к каждому стулу, креслу, столу прилагается табличка, сообщающая: перед вами копия исторической мебели, и там же указано, где находится оригинал. А еще клиент получает документ, в котором сказано, что вещь сделана в единственном экземпляре и более никогда не повторится. Это тоже правда. Демидов дорожит своей репутацией, он заказчикам не лжет. Вещи из мастерской Демидова очень дороги. А уж если клиент хочет, чтобы их изготовил сам Геннадий Борисович, умножай цену на десять. Но, несмотря на заоблачную стоимость своих услуг, Гена не жалуется на отсутствие работы, у него полно заказов. Демидов постоянно ездит за рубеж, ищет новые интересные образцы интерьера и просит у хозяев разрешения сделать копию. По завершении работы он высылает владельцам подлинников фото и диплом, где указано, чей дом теперь украшает ремейк. Благодаря этому Гена перезнакомился с большим количеством аристократов, завязал с ними близкие отношения и начал принимать от них заказы. Когда в замке мадам Третьянки случился пожар и выгорела гостиная, которая помнила визиты Бальзака, дама обратилась к Геннадию, и он не только восстановил интерьер, но и сделал это качественно и быстро. Стоит ли удивляться, что к Демидову потек ручеек заказов из других стран. А еще он владеет фабрикой, которая производит обычную мебель для простых покупателей.

Гена постоянно совершенствуется, он обучился ювелирному делу и жену себе подобрал под стать. Зинаида Семеновна – самоотверженная помощница мужа. Она ткёт ковры, гобелены, ткань для занавесок, под ее руководством работает с десятков мастериц. Кроме того, женщина талантливо расписывает фарфор и мебель.

У пары есть сын Филипп. К сожалению, он родился больным, юноша с трудом ходит.

Младший сын Марии Ивановны Миша учился на модельера, сейчас у него ателье, гордо именуемое «Дом моды «Демидов», где шьют одежду для дома. Бизнес младшего брата намного скромнее, чем у старшего, но клиенты есть. Михаил тоже семейный человек, у его супруги красивое имя Флора и обычное отчество Николаевна, она не работает, занимается хозяйством. Флора родила двоих детей: Марфу и Никиту, девочке пятнадцать, мальчику тринадцать лет. Демидовы живут одной большой семьей, в которую входят: Мария Ивановна, Гена, Зинаида, Филипп, Миша, Флора, ее мать Олеся Николаевна, Марфа и Никита. Маленькую трешку они давно сменили на просторные апартаменты, потом возвели небольшой дом, жили в нем восемь лет. А недавно купили просторный многоэтажный особняк в Ложкине и всей семьей перебрались туда.

Я перевернула листок и увидела фото медальона, похоже, золотого. В центре разноцветными камнями была выложена сцена из древнегреческого мифа о прекрасном юноше Нарциссе. Красавец превращался в цветок, который, по легенде, был назван в его честь. Внизу стояла подпись – «медальон «Нарцисс». Стартовая цена сто тысяч долларов. Приобретено господином Перфильевым. Выставлено на аукцион госпожой Волковой. Чуть ниже от руки было написано: «Эту штуку Марфа на собаку повесила».

– Даша, – раздался за спиной мужской голос.

От неожиданности я подпрыгнула на раскладушке, у той подогнулись ножки, и я свалилась в траву. Послышался радостный смех, я встала и увидела Игоря, младшего сына Зои Игнатьевны, бабушки Феликса.

Глава 4

- Ты как сюда попал? – удивилась я.
- На машине приехал, – ответил Гарик.

Воспитание не позволило мне сказать: «Мы не ждем гостей сегодня, тем более до обеда». Я навесила на лицо любезную улыбку.

- Хочешь кофе?
- И перекусить, – обрадовался Игорь. – Нам надо поговорить.
- Денег нет, – быстро сообщила я.

Игорь надулся.

- По какой причине ты сразу подумала о деньгах?

Я пошла к входной двери. И как ответить на этот вопрос? «Потому что ты всегда приезжаешь лишь по одной причине: выклянчить крупную сумму для начала очередного бизнеса, который непременно сделает тебя самым богатым человеком в мире»? В голове Гарика постоянно возникают странные идеи вроде натаскивания собаки Мафи на поиск трюфелей в Подмосковье. Ну, согласитесь, сколько денег не вкладывай в эту затею, она закончится крахом. Почему? Ну, во-первых, неподалеку от столицы трюфели не растут, а во-вторых, Мафи в мгновение ока сжирает все, что видит, в-третьих... Впрочем, хватит и первых двух пунктов, чтобы не спонсировать гениальный бизнес-план.

Ничего не зная о моих мыслях, Игорь бойко поднялся по ступенькам крыльца. Пробежал по коридору и сел за стол со словами:

- Кофе черный со сливками, омлет из трех яиц с сыром, помидорами и ветчиной я съел бы с удовольствием.
- У нас на завтрак гречневая каша, – сообщила я.
- Яичек нет, – крикнула из кухни Люся.
- Куда они подевались? – удивилась я. – Вчера в кладовке стояла полная коробка.
- Хотела сделать утром шлендропопель, – ответила домработница, – и не нашла яиц.
- Каша тоже сойдет, – согласился Игорь.
- Что такое шлендропопель? – поинтересовалась я.

– Мусик, я убегаю на работу, – крикнула Манюня, проносясь мимо столовой, – вернусь поздно. Дай Мафи «Энтерофурил», она сожрала синий крем для сапог, четыреста граммов. Не пугайся, если увидишь какашки цвета индиго.

– Шлендропопель – это шлендропопель, – пояснила Людмила. – Вкусное, сытное, полезное для здоровья блюдо.

– Где ключи от машины? – забасил из коридора Дегтярев. – Куда они подевались? Вчера повесил их на дерево.

- В саду? – сохраняя серьезный вид, осведомилась я. – На какую елку прицепил их? Полковник вошел в столовую.

– Считаешь меня идиотом? Привет, Гарик. В прихожей стоит деревянный дуб, который исполняет роль ключницы. Глупая бесполезная вещь. Все пальцы исколол, пока на ветку связку пристраивал. И куда она подевалась? А? Кто взял? Почему в доме нет порядка?

Толстяк уставился на меня сердитым взором, я попыталась его успокоить:

- У всех свои автомобили, твоя тачка никому не нужна.
- Я опаздываю на совещание, – зашумел Александр Михайлович, – уже должен подруливать к работе, а вместо этого торчу здесь! Это как?

Ну, если встать пораньше, а не за десять минут до выхода из дома, то времени хватит на все, даже на поиск того, что потерял. Я показала на буфет:

– В первом ящике в шкапулке, на крышке которой изображен мопс, лежат запасные ключи. Воспользуйся, потом найдешь потерю.

– Пока варят кофе, я расскажу об интересной идее, – подал голос Игорь.

– Не дом, а черная дыра, – заворчал полковник, вынимая коробку, – все исчезает, я повесил вчера в шкаф любимую голубую рубашку, а теперь ее нет.

– Ты бросил сорочку в бане, я нашла ее там на диване и отнесла в бачок с грязным бельем, – сообщила я.

– Отлично помню, как устраивал ее в гардероб, – заспорил Александр Михайлович. – Я беспредельно аккуратен! Кто-то вынул рубаху из шкафа и отволоч в другое место. И зачем свежую сорочку отправлять в стирку?

– Ты вчера обедал пиццей? – поинтересовалась я.

– Нечего скандал затевать, – обозлился толстяк. – Нельзя человеку, у которого впереди сложный рабочий день, мозг пилить и твердить: «Врач велел худеть, не смей есть лепешки с колбасой и сыром, подумай о подступающем инсульте».

Я пожала плечами:

– Просто спросила.

– Лучше задай вопрос тем, кто в нашей служебной столовой работает, – пошел вразнос полковник, – по какой причине мне пришлось «Маргариту» заказывать? Да потому что там, в буфете, несъедобная гадость! Салат из огурцов и помидоров без майонеза!

– «Четыре сезона», – поправила я.

Полковник осекся.

– Ты ел не «Маргариту», а «Четыре сезона», – пояснила я. – Первую можно считать диетической, в ней сыр моцарелла, томаты, базилик, сливки. А на твоей рубашке обнаружили кусочки салями, отварного яйца, грибов, артишоков, помидоров и оливок. Все эти ингредиенты есть лишь в пицце «Четыре сезона». Ты уронил кусок на себя. Вот почему я сорочку в стирку отправила.

– Нет, – покраснел Дегтярев, – аккуратнее меня никого нет. Кто-то извозюкал мою рубашку.

– Маловероятно, – улыбнулась я.

– Вечно ты споришь, – раскипятился толстяк, – ерунду говоришь. Вот пример! Сказала, что в шкапулке ключи! И что? Там старые поломанные вилки!

– Где моя сумка? – закричала Маша, вбежав в столовую.

– Вот еще одна растеряша, – заявил Александр Михайлович, – вся в мать.

– Хочу рассказать о своем новом, на тысячу процентов успешном бизнесе, – повысил голос Игорь.

Я посмотрела на коробку в руке полковника.

– Я говорила про шкапулку, у которой на крышке мопс. А ты достал с бульдогом.

– Нет. Это мопс, – опять заспорил толстяк.

– Странное дело, но в прихожей только один мой ботинок, – громко удивился Феликс, появляясь на пороге.

– Это мопс, – не успокаивался толстяк. – Манюня, скажи, что это за порода?

Маша посмотрела на крышку.

– Бульдог. И я бы ему прописала капли в глаза, у парня, похоже, конъюнктивит.

– С чего ты решила, что это мальчик? – пробубнил полковник.

– У каждой особи есть первичные половые признаки, – ответила наш ветеринар, – посмотри не на морду, а ниже.

– Нельзя ехать в одной туфле, – бормотал мой муж.

Я вынула из буфета шкапулку и вручила полковнику запасную связку ключей.

– Ну наконец-то я нашел то, что надо, – обрадовался Дегтярев. – Вечно все самому делать приходится.

– Вот бы еще рюкзачок найти, – вздохнула Маша.

– О! – хлопнул себя по лбу Маневин. – Совсем забыл. Утром выпустил Мафи во двор, гляжу, на ступеньках сумка лежит. Поднял ее и отнес в гостиную. Может, твоя?

Манюня убежала.

– Однако интересно, где мой второй ботинок? – загудел Феликс.

– Это не моя, – разочарованно сказала Маша, возвращаясь, – сумка мамы, она ее всегда где попало бросает.

Я взяла протянутую Машей сумку.

– Ремешок длинный, соскальзывает с плеча незаметно. Спасибо, милая, что обнаружила потерю, там документы, кредитки.

– Зачем женщинам сумки? Чтобы одним махом посеять все необходимое, – ехидно заявил полковник.

– Ты вроде на работу опаздывал? – поддела я толстяка.

Тот не ответил, потому что схватил свой зазвонивший телефон.

– Дегтярев. Да, нет. В пробке стою. Где? Сейчас буду.

Александр Михайлович, забыв сказать «до свидания», потопал в коридор.

– Вот мой бизнес! – провозгласил Игорь. – Рулон перед вами. Обратите наконец на него внимание.

Я посмотрела на стол.

– Решил производить туалетную бумагу? – удивился Маневин. – Затей ты эту историю в конце восьмидесятых, когда народ за пипифаксом в очередях давился, я бы тебе первый сказал: «Молодец, нашел свою нишу на рынке». Но сейчас в магазинах изобилие этого товара.

– Мой продукт уникален, – гордо заявил Гарик, – качество бумаги до остолбенения удивит потребителя.

– Мелкая наждачка? – поинтересовалась Манюня. – Каждый придет в изумление, увидев ее в сортире.

– Нет, – поморщился Игорь и стал разматывать рулон. – Ну-ка, пощупай. Пух! Перо! Нежный шелк! А запах! Восторг.

– В продаже полно такого, – остановил «бизнесмена» Феликс. – Идешь мимо стеллажей, и тошнить начинает от навязчивых ароматов: апельсин, клубника, банан. Фу, прямо.

– Согласен. Фу! – обрадовался Гарик. – А почему фу? Потому что не та отдушка! Зачем попе клубника?

– Резонный вопрос, – согласилась Маша, – для попы лучше крапива.

– С вами невозможно серьезные дела обсуждать, – надулся Гарик, – все шутите. Но я упорный, меня не остановишь. Запах банана в туалете, фу! Поэтому от пипифакса, который я назвал «Трапеза», будет веять колбасой!

– Полагаешь, ассоциация с салями в данном случае лучше? – прищурился Маневин.

– Не дали договорить, но я не сдамся, – надулся Гарик, – еще ветчиной, пирогами с капустой, селедкой с картошкой. Такие знакомые нам с детства запахи. Они привлекут клиентов, но основная фишка во втулке! Она...

– Растворима в воде, – продолжила я. – Игорь, ты опоздал, такую втулку уже производят. Гарик закатил глаза.

– Манера постоянно перебивать умного человека отвратительна. Нет! Втулка у меня...

Игорь быстро разматал весь рулон, схватил втулку, откусил от нее немалую часть и энергично заработал зубами.

– Ну ваще! – отпала Люся, наблюдавшая за нами из кухни. – Чума! Вы заболете! Нельзя картонку жрать...

– М... м... и... бу-гу... – произнес Игорь, сделал глотательное движение и зашелся кашлем.

Я быстро подала ему минералку, он схватил бутылку, залпом осушил ее и продолжил вещать:

– Втулка съедобная, она сочетается с ароматом бумаги. Если рулон с колбасной отдушкой, то втулка прямо как оливки. Планируется выпуск серий – итальянская трапеза, французская, немецкая...

– Колбасная отдушка. Гениальный термин, – простонал Феликс, – и сама идея феерична, если проголодался, а в кармане негусто, можно заглянуть в общественный сортир, собрать втулки и пообедать.

Гарик подпер подбородок кулаком.

– Хм. Это мне не пришло в голову. Спасибо за идею, обозначу ее в рекламной кампании. Надо слоган придумать. «Хочешь есть? Купи пипифакс, ешь то, что на выброс».

– Машину украли! – заорал Дегтярев, врываясь в столовую. – Где телефон? Куда подевался мой мобильный? Кто его взял?

– Он на буфете, – подсказала я.

– Безобразие! Точно помню, что положил трубку в карман, – пыхтел толстяк, нажимая пальцем на экран. – Але! Да, знаю, хотел туда ехать. Но автомобиль украли. Из гаража. Затемно. Немедленно объявите план «Перехват». Сейчас.

Полковник повернулся ко мне:

– Быстро назови мой номер.

– Чего? – спросила я. – Размер обуви? Одежды?

– Автомобиля, – процедил полковник.

– Не знаю его, – смиренно ответила я.

– Шесть восемь один, – подсказал Гарик. – У меня фотографическая память.

– Шесть восемь один, – повторил Дегтярев, покричал еще немного в трубку, потом бросил ее в кресло и обвел присутствующих взглядом. – Кто довезет меня до места? Быстро и аккуратно?

– Я еще не закончил переговоры, – сказал Гарик.

– К тебе я никогда не сяду, – отмахнулся полковник.

– Почему? – удивился Игорь.

– Собака Мафи и та лучше рулит, – отрезал Александр Михайлович.

– Саша, позвони в сервис, – сказал Феликс, – вдруг они уже техобслуживание завершили, я тебя тогда до ремонтников довезу, а дальше ты сам.

Полковник молча уставился на Маневина.

– Ты же вчера вечером отогнал свой кабриолет мастерам, – продолжил тот, – масло поменять, тормозные колодки. Я тебя в кафе при автоцентре перехватил и в Ложкино доставил. Ты еще пиццу на рубашку уронил и на меня обиделся за то, что я тихо к столу подошел и тебя напугал.

– Автомобиль в техцентре, – захихикала я, – звони Лене, отменяй поиски воров.

– Не учи меня, что делать в случае угона машины, – огрызнулся полковник.

– Но ее никто не крал, – засмеялась Маша. – Ой, вот же мой рюкзак! Почему раньше не увидела.

Манюня схватила с подоконника вещмешок, ринулась в коридор, но по дороге прокричала:

– Мусик! «Энтерофурил»! Влей в толстое чудовище две столовые ложки, непонятно, как крем на желудок подействует. Боюсь, Мафи понос прошибет.

– Незачем пить лекарство, – неожиданно заявил полковник. – Крем был свежий.

– Ну да, только в нем химия, консервантов тонна, красители, срок годности не пойми какой, упаковка хранилась в шкафу.

Александр Михайлович пожал плечами.

– Не носи чушь! Я эклеры вчера купил! Да, они провели ночь не в холодильнике, а в моем гардеробе, но в кондитерской заверили: начинка заварная, диетическая.

Мы с Машей переглянулись.

– Ты купил вчера эклеры, спрятал их, чтобы никто не увидел, и утром слопал? – спросила я. – Гурманствовал втихаря, несмотря на категорический приказ доктора худеть? Врач же сказал: «У Дегтярева повышен сахар в крови, анализ на холестерин плохой». Хочешь инсульт заработать? Просто безобразие! Трескать пирожные под одеялом!

– В отличие от некоторых, я не ем в кровати, – огрызнулся Александр Михайлович. – Это ты шоколадки перед сном хомячишь. Почему я съел немного сладкого в одиночестве? Ответ прост: не хотел скандала, который ты закатаешь! Все. До свидания.

Дегтярев выскочил в коридор, через секунду раздался звон и его гневный вопль:

– Понаставили ваз повсюду! Не пройти человеку, не проехать!

– Интересно, на чем полковник собрался ехать? – захихикала я. – Надеюсь, не на своей машине, которая находится в сервисе.

– Я имела в виду Мафи, – засмеялась Маша. – Она сожрала крем для обуви, а я сказала: «Влей в толстое чудовище...» О-о-о! Толстое чудовище! Вот почему Дегтярев решил, что я про него говорю. Но я же никогда его так не называла!

– На воре шапка горит, – развеселился Феликс. – Полковник прекрасно знает про свой лишний вес, вот и подумал, что речь о нем. Ну прямо как ребенок! Довезу его до автоцентра. Всем до свидания.

– Съедобная втулка! Вот что нужно народу, – завел свою песню Игорь, провожая глазами уходящего Маневина.

Я встала.

– Совсем забыла. Включила стиральную машину, она уже перестала работать, надо вынуть белье.

– Сидите, сидите, – засуетилась Люся. – Это мое дело.

Я подмигнула домработнице:

– Я сама развешиваю пододеяльники.

– Зачем утруждаться, если помощница есть? – возразила Людмила.

Я снова подмигнула непонятливой тетке.

– Лучше разбитую вазу уберите.

– Уже замела осколки, – отрапортовала прислуга.

Я скрипнула зубами и пошла к двери.

– Ой, ой, – затараторила Люся, – куда вы? Уже несусь в постирочную. Стойте. Не ходите. Не хозяйское дело бельем заниматься.

Я обернулась.

– Людмила! Займитесь... э... Сварите Игорю какао.

– В кухне на столе кофейник с какао, – заверещала Люда. – Ой, Дарья, у вас тик! Глаза дергаются. Давайте заварю свой фирменный чай, он успокаивает нервную систему, убирает понос, золотуху, мигрень, температуру, косоглазие, плоскостопие, волосы на голове восстанавливает, лечит лысину.

– О-о-о! – обрадовался Игорь. – Долго его заваривать? Я бы выпил.

Людмила бросилась на кухню, а мне наконец-то удалось удрать из дома. Поверьте, никаких угрызений совести от того, что оставила Игоря одного, я не испытывала.

Глава 5

Дверь в особняк Демидовых открыла полная женщина в красивом платье с цветочным орнаментом.

– Здравствуйте, я живу через забор от вас, меня зовут Даша, – представилась я.

– Ой! Как хорошо, что заглянули, – обрадовалась дама. – У вас милая собачка. Такая небольшая, умница, красавица, бархатные ушки, очень ласковая.

– Хуч мальчик, – усмехнулась я.

– Правда? – удивилась хозяйка. – А выглядит девочкой. Ох, я не представилась. Я Мария Ивановна. Все собиралась к вам зайти, познакомиться, да вечно что-то задержит. Когда в доме дети, особо не разгуляешься. Хотите кофейку? Так говорите, песик мужчина? Да?

– Да, – подтвердила я, старательно вытирая подошвы балеток о коврик. – Мопс у нас юноша в самом соку.

– Мопс? – повторила Мария Ивановна. – Правда? Совсем не похож.

Я не стала спорить с бабушкой Марфы, она не видела пса вблизи, наблюдала за ним со своего участка, наверное, не разглядела как следует. Хуч – классический мопс, типичный представитель этой породы.

– Идемте, идемте, – чистила дама. – Сюда, налево, это наша гостиная. Садитесь. Гена и Миша долго искали дом. Очень трудно найти подходящее жилье. Нам был нужен особняк с большой площадью и просторный участок, непременно в лесу и чтобы школа была неподалеку. Нехорошо, когда ребята часто учебное заведение меняют. Мы раньше жили в пяти километрах от Ложкина. Сейчас чайку налью.

Послышалось шуршание, в комнату въехала инвалидная коляска, в ней сидел мальчик лет десяти.

– Добрый день, – поздоровался он. – Бабушка, вот рецепт пирога.

– Спасибо, милый, – обрадовалась Мария Ивановна, – познакомьтесь с Дарьей... э... простите, не знаю ваше отчество.

– И не надо, – отмахнулась я, – просто Даша.

– Филипп, – представился мальчик.

– Наш компьютерный гений, – начала хвастаться бабушка. – В Интернете все найдет. Попросила Филюшу отыскать способ приготовления ватрушки, которой меня в гостях угощали. Хозяйка вредная оказалась, не захотела рецептом поделиться, давай болтать, что она его не знает, повариха, мол, пекла, а та к себе на родину уехала. Тьфу, прямо, бывают же такие люди странные! Никто же не просит к нам прибыть и творожники испечь. Всего-то ингредиенты назвать. Но я хитрая! Фото на телефон сделала и Филечке отдала. А он, умница моя, все мне раздобыл! Уникальная голова мальчику досталась.

Филипп подъехал к высокому буфету и попытался встать. Прodelать это ему удалось не сразу. По лицу бабушки было видно, что она очень хочет помочь больному внуку, но сдерживается. Филипп потянулся за журналом, который лежал сверху, и я увидела, что он горбун. Мальчику удалось взять издание, он сел в коляску и уехал.

– Филенька умный, талантливый, – вздохнула Мария Ивановна. – Одна беда: плохо ходит и на спинке неприятность. Появился на свет с генетической болезнью, никак ее название запомнить не могу, длинное очень. За что мальчику она досталась? Ни у кого в роду ничего подобного не было. Хотя до сорокового колена нам родственники неведомы. Читала я про одного ученого, который считается великим, массу открытий сделал. Он не ходит, у него только правая рука действует, но мужчина на компьютере работает. И что? Женат счастливо, трое деток. Вот бы Филюше девочку найти! У вас нет на примете хорошей невесты? Внешне

внук немошен, но он прекрасный человек, зарабатывает отлично, сострадательный, наша семья его жену облизывать будет.

Ну и что ей ответить? Я улынулась.

– Филипп еще очень юн, он непременно встретит свою любовь. Сейчас для него главное учеба.

– У мальчика знаний через край, – посетовала Мария Ивановна. – Два высших образования за плечами.

Я удивилась:

– Он вундеркинд? Сколько лет Филиппу?

– Двадцать четыре года, – пояснила бабушка.

– Ага, – пробормотала я. – Он выглядит моложе.

Мария Ивановна заговорила еще быстрее:

– Один из симптомов его болезни – детская внешность. Когда Филеньке исполнилось двадцать два, к нам в дом пришла Леночка, уборщица. Она Филюше понравилась, он ей вроде тоже. Мы все так обрадовались. Пусть невеста из неблагополучной семьи, читать еле-еле умеет, мы не снобы! Оденем, научим, хорошие манеры привьем. Главное, у них с Филенькой отношения наладились. Они в кино вместе ездили, на прогулки, для Филюши микроавтобус оборудован. Через несколько месяцев Лена ко мне пришла и заплакала:

– Простите, Мария Ивановна. Мне Фил очень нравится, но замуж за вашего внука не пойду. Люди достали. Приведу его в кино, билетерша присматривается: «Мамаша, вы дура? Зачем сына на фильм с предупреждением плюс шестнадцать привели?» Объясняю, что жениху за двадцать – не верит, паспорт его требует. В магазине кассирши орут: «Народ, пропустите мамашу с ребенком-инвалидом». На улице на нас пальцем показывают. Устала я.

Мария Ивановна замолчала, я попыталась ее утешить.

– Значит, Лена не любила Филиппа. Непременно найдется девушка, которая оценит его по достоинству, поймет, что дело не во внешности. У Марфы, наверное, много знакомых, кому небезразлична судьба Филиппа? Правда, девочка очень молода, всего восемнадцать, ее подружкам, наверное, столько же.

– Нет, Марфеньке пятнадцать, – перебила меня Мария, – она в гимназии учится.

Я как можно более правдиво изобразила удивление.

– Неужели? Придя на прием к хозяину «Желтухи», девочка представилась совершеннолетней.

– «Желтуха»? – повторила хозяйка. – В нашем доме она не в почете. И где Марфа увидела пасквильный листок?

Наивность бабушки умиляла.

– Да где угодно. На улице, в школе, у приятелей, и существует Интернет.

– Нет, Марфа никогда не станет читать эту грязь, – отрезала Мария Ивановна. – Она не может быть знакома с владельцем срамного издания. Кто вам сказал, что моя внучка была на приеме у владельца газеты? Это смешно!

Мне не хотелось портить старушке день, но пришлось рассказать про медальон «Нарцисс». Демидова постоянно прерывала мою речь восклицаниями:

– Невероятно! Здесь какая-то ошибка!

Когда я произнесла последнюю фразу, Мария Ивановна взяла телефон и позвонила.

– Марфенька, ты занята? Спустись вниз, детка.

Внучка не особенно спешила на зов, прошло минут пятнадцать, прежде чем она соизволила появиться в комнате и лениво спросить:

– Зачем звала?

Я сразу узнала ту, что выхватила у меня из рук йорка, и удивилась. Марфе пятнадцать? Выглядит на двадцать, и взгляд у нее совсем не наивно-детский.

- Познакомься, солнышко, – ласково завела старушка. – Дарья, наша соседка.
- Мы уже виделись, – сухо сказала я.
- Вы меня с кем-то путаете, – лихо соврала девица.
- Госпожа Васильева рассказала мне невероятную историю, – завела Мария Ивановна. –

Я отказываюсь в нее верить.

Марфа молча выслушала бабушку.

- Отвечай, ты ездила в редакцию? – задала вопрос Мария Ивановна.

Внучка не ответила, ее лицо можно было бы назвать симпатичным, но его портили сдвинутые брови и поджатые губы. Марфа насупилась, надулась и покраснела.

- Дорогая, мы ждем, – чуть повысила голос старшая Демидова, – объяснись.

Внучка сидела, глядя в пол.

Мне было неприятно наблюдать за злой девицей, хотелось завершить тягостную беседу и уйти, поэтому я задала прямой вопрос:

- Зачем ты придумала, будто я украла медальон?

Марфа скорчила гримасу и достала из кармана айфон.

- Во! Фотки! Трикси в розовом платье, на ошейнике подвеска. Видите?

- Конечно, – согласилась я. – Красивый аксессуар, похоже, старинный.

– Дайте, дайте взглянуть, – засуетилась Мария Ивановна. – Оригинальная вещь, похоже на золото, камни роскошные, хотя, не держа в руках медальон, ценность его определить очень трудно. У нас дома такой вещи ни у кого нет.

- Олеся мне дала, – после короткой паузы сообщила Марфа.

Мария Ивановна вернула телефон внучке.

– Да? Почему же мать Флоры подвеску не носит? Уж могла бы на Новый год с ней покрасоваться или на свой день рождения.

– Вот мы с Трикси у вашей калитки, – осмелела Марфа. – Я видео записала, вот собака одна на дорожке сидит, вы ее хватаете, на руках держите, гладите, а потом снова фото. Упс! Где украшение?

- Нету, – пробормотала я, – ошейник без медальона.

Марфа отняла у меня трубку.

– Вы кулон сперли! Когда в сад к вам Трикси вошла, подвеска у нее на шее висела, а потом! Вау! Нет ее!

– Тебе не пришло в голову, что украшение само могло отцепиться? – спросила я. – Упало и сейчас мирно лежит где-то у калитки на нашем участке?

– Не-а, вы его стырили, – настаивала Марфа, – и молчали в тряпочку, а теперь, когда «Желтуха» правду узнала, приперлись сюда и изображаете, что ни при чем. Вау! Я только щас сообразила! Газета уже вышла? Скока там моих фоток?

Мария Ивановна встала и поспешила в коридор.

- На секунду покину вас.

Мы с лгуньей остались вдвоем, некоторое время в комнате висела тишина.

– Знаю, как обстояло дело, – произнесла я наконец. – Ты взяла дорогое украшение, принадлежавшее бабушке со стороны матери, нацепила его на йорка, а когда медальон потерялся, решила свалить вину на соседку. Но зачем ездить в «Желтуху»?

Марфа сгорбилась, но ничего не ответила.

Глава 6

– У Олеси нет украшений с натуральными камнями, – заявила Мария Ивановна, возвращаясь. – Марфуша...

– Не смей называть меня тупой кличкой, – разгневалась внучка. – Есть! Она забыла! У бабки целый чемодан барахла.

Пожилая дама нахмурилась.

– Я могу простить ребенку многое, практически все, кроме лжи. Врать мне не следует. Когда ты заявила, что медальон принадлежит Олесе Николаевне, я усомнилась в твоей правдивости. Мать Флоры не раз говорила: «При моем появлении на свет звезды встали в весьма необычную позицию, я никогда не буду носить золотые украшения. Сей металл губителен для моей энергетики». А медальон, похоже, из червоного...

Голос Марии Ивановны перебил громкий бас:

– Мама, ты не видела мой портфель?

В гостиную вошел стройный мужчина в дорогом костюме, увидев меня, он не навесил на лицо светскую улыбку, а сурово произнес:

– Добрый день.

– Здравствуйте, – ответила я.

– Гена, разреши тебе представить, – начала мать, но сын тут же прервал ее:

– Уважаемая... э...

– Дарья, – подсказала я.

– Так вот, Дарья, мне плевать, что в доме пыль, без разницы, куда деваются продукты, и плохо вымытый пол тоже меня не колышет, – отчеканил хозяин дома, – но есть два момента, которые вам необходимо учитывать. Перед уборкой фотографируйте на телефон мой письменный стол: после того, как протрете его, все находившиеся там вещи нужно...

Мария Ивановна покраснела и попыталась остановить сына:

– Гена, ты сейчас...

– Я сейчас буду говорить столько, сколько хочу, и так, как хочу, – повисил голос сын. – На моем письменном столе все должно лежать там, где лежит. Перепутаете хоть что-нибудь, не туда положите дерьмовый ластик, вылетите вон в одночасье. Второе. В саду лаборатория, приближаться к ней, а уж тем паче пытаться войти категорически запрещаю. Остальное: украденные продукты, разбитый мейсенский сервиз, прожженные кашемировые свитера от Лоры Пиано, вымытый отбеливателем эксклюзивный паркет, короче, все, отчего Мария Ивановна и Флора приходят в ужас, меня не колышет. Два условия! Всего два! Нарушив их, вы получите пинок под зад! Кто-нибудь видел мой портфель?

– Он на третьем этаже, дядечка, – подобострастно сказала Марфа. – Стоит на полу у торшера.

– И как он туда попал? – выразил недоумение Демидов.

– Ты вчера, приехав с работы, пошел к Олесе Николаевне, – залепетала Марфа. – Она сидела в холле под торшером, ты поставил портфель и начал ругаться.

Геннадий Борисович двинулся к двери.

– Да? У тебя отличная память, советую использовать ее при подготовке домашних заданий, может, тогда в годовых оценках появится хоть одна четверка, которая разбавит плотный строй троек. Сбегай за ним.

Марфа убежала, хозяин, забыв попрощаться, тоже покинул комнату. Мария Ивановна схватилась руками за щеки.

– Боже! Извините! Так неловко вышло. В пятницу наша очередная домработница, тупая баба, сотворила глупость. Сто раз ей говорила: «К домику не приближайся». Ан нет! Девушка

пошла в сараюшку за дровами для камина, путь лежал мимо лаборатории сына. Дурочке показалось, что дверь грязная. Без всякого на то моего разрешения клуша взяла тряпку и ну створку драить, потом давай окна тереть, одно разбила. Гена ее выгнал. Сегодня должна прийти новая прислуга, вот он и решил... Господи, нехорошо-то как получилось! Вы совсем не похожи на женщину, которая неквалифицированным трудом зарабатывает. Гена не имел желания вас обидеть, он немного нервничает, проблемы всякие... Ах ты, боже мой, какой конфуз!

– От суммы и от тюрьмы не зарекайся, – вздохнула я. – Мне совсем не обидны слова Геннадия Борисовича, всякое в жизни случиться может. Если понадобится, сама возьму в руки швабру с ведром. Не важно, кем человек работает, главное, каков он по сути. Честная прислуга вызывает у меня уважение, а вот вороватый губернатор нет.

Красные щеки хозяйки начали потихоньку принимать нормальный цвет.

– Спасибо, я уж подумала, что вы теперь с нами разговаривать не пожелаете, а с соседями надо поддерживать хорошие отношения.

– Верно, – согласилась я. – Потому я и пришла. Марфа импульсивна и, как многие тинейджеры, склонна делать скоропалительные выводы. Она решила, что я украла дорогой медальон. До этого момента мне все ясно, непонятное начинается дальше. Зачем она поехала в «Желтуху»? Наговорила владельцу издания глупостей?

Мария Ивановна опять покраснела, а я продолжала:

– И теперь бульварный листок хочет взять у Марфы интервью.

– Господи! – ужаснулась бабушка. – Зачем?

– Чтобы его напечатать, – пояснила я. – Издание существует за счет скандалов. Думаю, Геннадию Борисовичу не понравится, когда фото его племянницы, имеющей одну фамилию с ним, украсит первую страницу «Желтухи».

– Сын подобные газеты не читает, – пробормотала старуха. – Он интересуется только книгами по истории, интервьюам, альбомами с репродукциями картин.

– Но господин Демидов все равно узнает о разговоре Марфы с папарацци, ему кто-нибудь непременно про публикацию расскажет, – возразила я. – Кроме того, после выхода статьи мне придется подать на Марфу в суд за клевету. А поскольку у нее никаких доказательств того, что я воровка, нет, я выиграю процесс.

– Боже! Нет, – перепугалась Мария Ивановна, – умоляю, не делайте этого. Геннадий может потерять заказчиков, не всех, конечно, но некоторых точно. Очень вас прошу, давайте решим дело миром. Ну зачем нам процесс?

– Мне он точно не нужен, – кивнула я, – поэтому я и пришла. Сегодня-завтра Марфе позвонит главный редактор «Желтухи» Андрей Локтев, ему велено взять у нее интервью. Если девочка откажется беседовать с журналистом, он не будет настаивать и все закончится, не успев начаться. Но если Марфа согласится на интервью, вот тогда стартуют неприятности, и все они будут вашими.

– Поговорю со своей внучкой, запрещу ей даже думать о газетчиках, – пообещала Мария Ивановна. – Объясню: если она втянет семью в свару с соседями, не видать ей лета в Италии, останется в Москве, все каникулы с репетиторами прозанимается. Тройки у нее в дневнике теснятся, учителями из милости поставлены.

Но слова пожилой дамы меня не успокоили.

– Уж простите за откровенность, но после общения с вашей внучкой у меня создалось впечатление, что вы для нее не авторитет. Вот дядю она побаивается. Думаю, лучше подключить к делу Геннадия Борисовича.

Мария Ивановна встала.

– Да, конечно, вы правы. Я решу проблему. Марфа никогда ни слова не скажет никому из «Желтухи». Кофейку?

Я тоже поднялась.

– Спасибо, но мне пора домой.

– Провожу вас, – засуетилась хозяйка.

Мы вышли вместе в сад.

– А где Трикси? – поинтересовалась я. – Собака ни разу не заглянула в гостиную.

Демидова вынула из кармана носовой платок.

– Умерла. Старенькая была. Двенадцать лет. Мне казалось, что она бодрая, ела с аппетитом, по саду носилась, анализы были хорошие. И вдруг в одночасье ушла. Я в спальне читала, Миша пришел такой грустный, сказал: «Мама, Трикси умерла. Наверное, у нее сердце не выдержало, у собак тоже инфаркт может случиться». Я расстроилась, хотела пойти проститься с йорком, но Михаил запретил, сказал: «Мама, лучше запомни Трикси живой». Я ему очень благодарна за это. Миша прав, надо вспоминать, какой она веселой была, а не мертвой. И сын сам ее домик унес, все вокруг вымыл, никому не доверил, натянул резиновые перчатки и все убрал, избавил меня от переживаний. Непросто лежак умершей собаки на помойку оттащить. Не физически, а морально. Слава богу, не мучилась Трикси.

– Очень жаль, – расстроилась я.

Мария Ивановна спрятала платок.

– И не говорите. Ой, а вот и ваш мопс! Такой проказник! Частенько к нам забегает.

Я обернулась, хотела спросить: «Хуч, как ты пролез к соседям?» и поперхнулась. По дорожке, весело виляя хвостом, дефилировала Мафи.

– У моей подруги мопсика, – продолжала Демидова, – совсем на вашего мальчика не похожа, пухленькая, короткошеяя. А Хуч прямо лань.

– Скорее уж мы видим сейчас лошадь породы владимирский тяжеловоз, – протянула я. – Это Мафи, девушка пагль и отъявленная хулиганка. Мафи, каким образом ты проникла к Демидовым? Забор у нас закрыт сеткой, между прутьями пролезть невозможно, калитка заперта.

Собака остановилась, развернулась, юркнула в кусты и исчезла.

– Понятливая, – засмеялась Мария Ивановна, – сообразила, что хозяйка сердится. Симпатичная псинка! Люблю таких толстеньких. Кто такой пагль?

– Ветеринар велел ей худеть, – поддержала я разговор. – Мафи урезали порцию, но она парадоксальным образом стала еще толще. Небось ворует втихаря еду, но вот вопрос: где она ее берет? На столе мы, после того как все уйдут, ничего не оставляем, кладовка закрыта на шпингалет. Загадка просто. Пагль – это название породы, помесь мопса и бигля.

Глава 7

Покинув участок Демидовых, я пошла по дороге, одновременно набирая номер Локтева, но Андрей не отвечал. Дойдя до нашей калитки, я увидела на парковке машину Игоря и приуныла. Маша, Феликс и Александр Михайлович умчались по делам, а Гарик, любимый сыночек Зои Игнатьевны, остался. Он очень упорный и не отстанет от меня со своей съедобной втулкой. Я опять схватилась за мобильный, но на сей раз набрала домашний номер. Из открытых окон особняка донеслась трель.

Пришлось долго ждать, пока домработница отзовется, я почти потеряла терпение, когда наконец раздалось:

– Алло!

– Люся, слушай внимательно! – велела я.

– Хозяев нету, все умчались, – закричала домработница, – когда вернутся, не знаю. В столовой один Игорь. Могу его позвать.

– Люся, это я, Дарья.

– Ее нет.

– Я здесь!!!

– Где?

– В телефоне!

– Не могу вам ее мобильный дать. Скажите, кто хозяйку ищет, звякну ей сама, если решит, вот тогда...

– Люся! Успокойтесь!

– Так я и не нервничаю. Чего дергаться?

– Людмила! С вами разговаривает ваша хозяйка Дарья Васильева.

– Вы дома? Незаметно вошли. А чего по телефону звоните?

– Я во дворе, если посмотрите из окна гостевой комнаты, то увидите меня.

Через пару секунд Людмила свесилась наружу.

– Думала, кто-то шутит, прикидывается вами.

Я, успев подойти к окну, попросила:

– Пожалуйста, говорите тише, не хочу, чтобы Гарик услышал.

– Ладно, – зашептала Люся.

– Где сейчас гость?

– Телик глядит в столовой. Ждет, когда вы вернетесь.

– Понятно, – вздохнула я. – Сделайте одолжение, поднимитесь в гардеробную, там на комодке черная сумка, рядом с ней кошелек того же цвета, принесите мне обе вещи, не говорите Гарику, что я в саду, хочу незаметно на машине уехать, а денег и прав с собой нет.

– Не волнуйтесь, – утешила меня домработница, – соберу вам котомку в лучшем виде.

– Если можно, побыстрее, – попросила я.

– Вихрем обернусь, – пообещала Людмила и улепетнула.

Через пятнадцать минут, когда «вихрь» так и не вернулся, я опять начала терзать телефон.

– Дарья! Уже бегу! – заорали из окна второго этажа. – Вещички ваши старательно сгруппировала. Тороплюсь изо всех сил, ща прилечу.

Через некоторое время входная дверь открылась, но из дома вышла не помощница по хозяйству, а Игорь. Я одним прыжком метнулась в туи, росшие вдоль изгороди, и спряталась в их зелени. Гарик начал озираться. Я замерла, боясь пошевелиться. Если Игорь меня заметит, он опять заведет речь о спонсировании его очередного гениального бизнес-проекта, начнет с аппетитом грызть втулки от рулонов туалетной бумаги, заставит меня тоже ими пола-

комиться. Небось у него багажник забит креативным пипифаксом с ароматом и вкусом свежей колбасы. Игорь не отстанет, пока я все не слопаю. Сбоку донеслось натужное сопение. Я повернула голову и обомлела.

Когда Ложкино только строилось, жильцы решили, что у всех будут одинаковые заборы. Ну, согласитесь, некрасиво, когда у вас пятиметровые кирпичные ограждения, у соседа справа пластиковые щиты, а слева дом с белым штакетником. Поэтому участки оградили коваными решетками, расстояние между прутьев у них узкое, человеку не пролезть, а собаке запросто. Чтобы наши псы не сбежали, мы завесили забор мелкоячеистой сеткой и посадили вдоль всего периметра туи. И вот сейчас Мафи, не видя меня, карабкалась вверх по рабице. Собака орудовала как профессиональный скалолаз. Она перемещала попеременно вверх передние лапы, цепляясь когтями за гнезда сетки, ловко подтягивалась, поднимала задние. Я стояла с разинутым ртом. До сих пор думала, что на подобные действия способны исключительно кошки, а нет! Мне понадобилось секунд двадцать, чтобы прийти в себя, и этого времени Мафи хватило, чтобы добраться до наверху решеток. Меня охватило любопытство. Хорошо, Мафи достигла конца пути, и как она поступит дальше? Понятно, что псина решила удрать, но каким образом она перелезет через пики? Этот трюк даже такой хитрюге, как неудавшаяся охотница за трюфелями, не под силу. Сейчас безобразница свалится вниз.

Хулиганка замерла, потом отцепила задние лапы от сетки и подтянулась на передних. Морда безобразницы очутилась выше остроконечных пик. Собака опять перестала двигаться. Я захихикала. Да, дорогая, столько усилий и все зря, долго тебе так не провисеть, придется плюхаться на землю и брести домой, побег не удался.

Неожиданно задние лапы Мафуси взметнулись вверх, ее тело изогнулось дугой... Я опять обомлела. В историю советского спорта золотыми буквами вписано имя гениальной гимнастки Ольги Корбут, исполнявшей на брусках уникальный элемент, носящий ее фамилию. Петля Корбут настолько сложна и травмоопасна, что сейчас она запрещена. Но даже тогда, когда упражнение можно было продемонстрировать на соревнованиях, никто на это не решался. Лишь хрупкая, удивительно талантливая, упорная и трогательная Ольга с волосами, по-детски собранными в два хвостика, с улыбкой проделывала невероятное.

То, что сейчас совершила собака, надо назвать «петлей Мафи». Псина ловко кувыркнулась в воздухе, оказалась по другую сторону изгороди, приземлилась на четыре лапы, встряхнулась и помчалась по дороге.

– Вот вы где! – закричала Люся. – В зеленке притаились.

Я шикнула из ветвей:

– Тсс!

– Он ушел, – радостно объявила домработница. – Спросил, где вы, я соврала, что в беседку за домом почапали. Удирайте, пока парень не вернулся.

– Мафи убежала за ворота, поймайте ее, – попросила я.

– Все же закрыто, – удивилась Людмила. – Как она умудрилась смыться?

Мне на секунду стало тревожно, что-то не так! Но на то, чтобы разобраться в собственных чувствах, времени не было.

– Если расскажу, вы мне не поверите, – скороговоркой выпалила я, схватила ридикюль и поспешила к машине. Села за руль и выехала из поселка, составляя в уме план действий: сначала поеду в большой торговый центр на МКАДе, куплю запас губок для мытья посуды, потом заеду в другой магазин за книгами. Вчера на бензоколонке я увидела новый роман Милады Смоляковой, бросилась к стеллажу, но какая-то резвая девушка опередила меня, и я осталась без интересного детектива. Или лучше сначала поехать за книгой, а потом приняться за хозяйственные покупки? Еще нужно съездить в лавку, где продают товары для собак, посмотреть на матрасики, потому что Мафи сгрызла все лежаки.

Плавное течение мыслей прервал вой сирены. Я взяла правее, мимо пронеслась машина ДПС, резко вильнула перед капотом моей машины и сбросила скорость. Моя нога резко нажала на педаль тормоза, малолитражка замерла, я стукнулась грудью о баранку и разозлилась. Гаишники с ума сошли? Разве можно так себя вести на дороге? Из служебной машины вышел парень в форме, подошел ко мне и потребовал:

– Документики на машину и права.

– Представьтесь, пожалуйста, – сердито сказала я.

– Милый сержант, – произнес парень.

У меня сразу улучшилось настроение.

– Хорошо, что вы не противный, но фамилию назовите.

– Милый, – повторил юноша. – Сержант Милый. Документы и права.

Я с запозданием сообразила, что у парня фамилия «Милый», хихикнула и вытащила из бардачка портмоне.

– Что же вы, Мария, на украденной машине катаетесь, – вздохнул полицейский. – А с виду приличная женщина.

Я хотела сказать, что меня зовут Дарья, но тут же поняла, что произошло, и стиснула зубы. В свое время Манюня привезла из Лондона два одинаковых очень удобных кошелька. Справа в них отделения под кредитки, посередине отсек для бумажных денег, а слева в прозрачных кармашках можно хранить разные документы. Гардеробная у нас с Марусей общая. Сегодня она схватила мой кошелек, а Люся соответственно притащила мне тот, что остался. Неужели гаишник не посмотрел на фото в правах? С первого взгляда видно, что я старше, чем девушка на снимке, и лицо у меня другое.

– Документики на «Кантримен», – сказал сержант, – а вы на «Мини-Купере» разъезжаете, который в розыск объявлен. Угнали колеса и думаете, что вас не поймают?

– Вы ошибаетесь! – воскликнула я.

– Мария, ваш номер шесть восемь один, – терпеливо сказал сержант, – так?

Наверное, следовало заметить, что женщинам пока порядковые номера не присваивают, но, учитывая ситуацию, я просто кивнула.

– Автомобиль, зарегистрированный с этим знаком, угнан сегодня утром из поселка Ложкино, – продолжал парень. – И понимаете, Мария, самое неприятное то, что его настоящий владелец занимает высокий пост в полиции. У нас все на ушах из-за него стоят. Вынужден вас задержать до выяснения.

– Дегтярев! – подпрыгнула я. – Он забыл, что его драндулет в сервисе, поднял шум, велел объявить план «Перехват». Александр Михайлович все забывает, он не мог вспомнить номер своей машины, его ему Гарик подсказал, еще похвастался, что обладает фотографической памятью. Да уж, отличная у него память. Господин Сладкий, сейчас мы все уладим. Игорь сообщил номер моего автомобиля.

– Милый, – безо всякой агрессии поправил парень.

– Ой, простите, – смутилась я. – Честное слово, я не ворую тачки, живу в Ложкине. О пропаже машины заявил полковник Дегтярев. Поговорю с ним, и недоразумение уладится. Мы близкие друзья.

Юноша вздохнул.

– Ладно. Вы вообще-то на преступницу не похожи, выглядите ну прямо как моя бабушка. Бабушка? Я опешила и поинтересовалась:

– Сколько вам лет?

– Двадцать, только со срочной службы пришел, а что? – удивился гаишник. – Зачем вам мой возраст? Я его участнику движения сообщать не обязан.

– Из простого женского любопытства поинтересовалась, – протянула я, рассматривая себя в зеркало заднего вида и производя в уме нехитрые расчеты. Предположим, бабушка

этого Сладкого родила его мамашу лет ну в восемнадцать, а сам гаишник появился на свет, когда родителям было столько же. Сейчас парню двадцать, сложим цифры и получим пятьдесят шесть. Нет, мне результат не нравится. Хотя... может, бабуля гаишника отличалась безголовостью и отправилась в родильный дом в шестнадцать, а ее дочь не отличалась от мамы. Что имеем тогда? Два раза по шестнадцать плюс двадцать... пятьдесят два. Уже лучше, но все равно как-то нехорошо. Четырнадцать! Обе женщины обзавелись потомством еще на школьной скамье, бабушке сейчас сорок восемь лет. Нет, они родили детей в одиннадцать! А что? Такое случается! Недавно по телевизору о чем-то подобном рассказывали. Бабушке Медового сорок два!

Я выдохнула, набрала номер полковника и услышала:

– Занят. Не сейчас.

Дегтярев явно хотел бросить трубку, но я не сдалась:

– Ну уж нет! Из-за тебя меня собираются в КПЗ запихнуть!

– Какого черта? – заорал полковник.

Я объяснила суть дела.

– Где ты находишься? – зашипел Дегтярев.

– На повороте к Новорижскому шоссе, – отрапортовала я.

– Стой, не двигайся, сейчас прибуду, – пообещал Александр Михайлович.

– Может, не надо? Я хотела по магазинам прокатиться, нет ни малейшего желания ждать несколько часов, пока ты, собрав все пробки, приедешь. Может, просто объяснишь Мармеладному, что к чему, – попросила я.

– Милому, – поправил сержант.

– Стоять, – скомандовал Дегтярев. – Я уже рядом с тобой паркуюсь.

Я высунулась в окно, увидела толстяка, который вылезал из своей машины, и не смогла заглотить любопытство.

– Ты не поехал на службу?

– Я при исполнении, – отмахнулся полковник и обратился к парню: – Сержант Прекрасный?

– Милый, – апатично уточнил юноша.

Дегтярев велел ему объяснить, что происходит.

Когда джигиты пытаются договориться, девушке лучше помалкивать. Я молча сидела за рулем, наблюдая за колоритной парой. Пузатый полковник и тощий гаишник никак не могли достичь консенсуса. В конце концов Александр Михайлович схватился за телефон.

– Паша! Объясни своему дражайшему сержанту Очаровашке, что Дарью надо отпустить. Да, сейчас передам ей от тебя привет. Ну, конечно, она привезет тебе из Парижа твой любимый чай. И парфюм! И салями! И сыр!

– Паше от меня поцелуй, – пискнула я, сообразив, с кем общается Александр Михайлович. – Притащу ему весь Монпри⁴ вместе с фермерским рынком Сен-Жермен, не хочу в КПЗ, пусть меня отпустят.

Дегтярев протянул свой мобильный полицейскому:

– С вами хочет побеседовать Огурцов.

Юноша указательным пальцем ткнул вверх:

– Тот самый?

– Да, – пробурчал полковник. – Меня не понимаешь, может, высшее руководство тебя образумит. Помнишь, как надо обращаться к старшему по званию?

Гаишник кивнул.

– Начинай, – приказал Александр Михайлович.

---

⁴ Монпри – сеть супермаркетов во Франции.

Гаишник взял трубку и заорал:

– Сержант Очаровашка! То есть Милый. Ага, ага, ага, господин Помидоров.

Я не выдержала и рассмеялась. Конечно, мы с Дегтяревым натуральные свиньи, постоянно путали фамилию парня, но и сам он хорош. Только что назвался Очаровашкой и обратился к генералу Огурцову «господин Помидоров». Александр Михайлович погрозил гаишнику кулаком, тот сообразил, что совершил глупость, и попытался исправить ситуацию.

– Так точно... господин... Капустин, то есть гражданин Картошкин, нет, участник движения Морковкин...

Мне стало жаль вконец растерявшегося патрульного, не всякий сохранит самообладание, общаясь с самым высоким начальником.

Я высунулась из окна и зашептала:

– Звание его назови! Фамилия Огурцов.

Милый заорал:

– Так точно, ваше величество кардинал Бананов.

Из трубки заорали так, что до моего слуха долетали отдельные слова Паши. Надо же, как он виртуозно ругается, вот уже пять минут вопит, а ни разу не повторился.

Дегтярев выхватил у дорожного полицейского свой сотовый, нажал на экран и спросил:

– Ну? Ясно? Получил указание?

– Ага, – по-детски ответил гаишник, – езжайте, будьте осторожны за рулем, помните, чрезмерное употребление алкоголя – основная причина ДТП со смертельным исходом.

Александр Михайлович сел в свою машину, я высунула голову в окно:

– Сладенький!

– Аюшки? – обернулся патрульный.

– Все будет хорошо. Вы только выучите как следует имена, фамилии и звания руководства, – посоветовала я.

– Вызубрил давно, – ответил сержант.

– Вы неправильно запомнили, не стоит называть Огурцова ваше величество кардинал Бананов, – укорила я гаишника.

– Вчера фильм по телику смотрел про трех мушкетеров, – вздохнул полицейский, – там все время так говорили... ну и всплыло. А вот сейчас я фамилию генерала хорошо помню. Вдруг Огурцов моему непосредственному начальнику звякнет? Ой, что тогда будет! – И он втянул голову в плечи.

Я принялась успокаивать парня:

– Паша не станет такой ерундой заниматься.

– Думаете? – приободрился патрульный.

– Конечно, – заверила я. – И есть отличная новость. Он вас запомнил, потому что никто до сегодняшнего дня не обращался к нему «ваше величество кардинал Бананов». А что главное? Осесть в памяти руководителя. Надо будет ему кого-то повесить, начнет Павел думать о кандидатуре, бац, и всплывет фамилия Сладенький, простите, Очаровашка. Должность вашей будет.

– Здорово, – повеселел парень.

– Даша, – крикнул Дегтярев, – подвези меня в «Озеро»! Это в километре от перекрестка.

– Прекрасно знаю, где поселок расположен. А зачем тебе туда? – не поняла я.

– Служебная необходимость, – насутился толстяк. – Не успел из дома выехать, как в «Озеро» вызвали. Черт, опять моя машина не заводится. Отлично ее в сервисе починили. Разберусь потом с криворукими мастерами. Давай вперед!

Глава 8

- Поезжай через шлагбаум, – приказал Дегтярев, когда я притормозила у ворот.
- Он опущен, – возразила я.
- Что за бред, мою машину везде пропускают, – возмутился толстяк. – Транспорт, оборудованный спецсигналом, имеет право беспрепятственного проезда.
- Но сейчас ты едешь на малолитражке обычной гражданки, – смиренно напомнила я, – придется тебе выйти и побеседовать с охраной.
- Они сами обязаны подойти, – зашумел Александр Михайлович.
- Я отпустила руль.
- Мне торопиться некуда, могу хоть до завтра подождать.
- Дегтярев засопел и открыл дверь.
- Не успел он скрыться в будке, где прятался секьюрити, как я услышала знакомый голос:
- Дашенция!
- Я повернула голову на звук. Рядом с моим «Мини-Купером» топтался Локтев.
- Здорово, что встретились, – сказал он, – а почему Дегтярев не на своей колымаге?
- Как ты здесь очутился? – задала я свой вопрос.
- Ничего не знаешь? Вика Федорова умерла, – пояснил Андрей. – Я выехал из Ложкина, а мне ее домработница звякнула: «Прикапывайте скорее, хозяйка скончалась, управляющий полицию вызвал, если раньше прилетите, эксклюзивные снимки сделаете».
- У тебя повсюду информаторы, – поморщилась я.
- Локтев без разрешения открыл дверь моей малолитражки и влез в салон.
- Бизнес такой, без деньголюбов пропадем. Я как новость узнал, спортивный режим включил. Да только Дегтярев раньше меня прискакал, похоже, у него реактивный двигатель в заднице. Опоздал я. Твой дружок мигом велел журналистов не пускать. Вон они, грифы, кружат.
- Я посмотрела в указанном направлении и увидела штук десять автобусов с логотипами разных телеканалов и толпу людей с камерами и фотоаппаратами наперевес.
- Стервятники, – буркнул Локтев.
- Ты тоже здесь, – съехидничала я.
- Я главный редактор самой популярной газеты, а они кто? – гордо заявил Андрей. – Вон, смотри, шелупонь, «Киса-ТВ»! Слышала о таком?
- Нет, – призналась я.
- Ну, это неудивительно, ты телик не любишь, – усмехнулся Локтев.
- Я фанатка Смоляковой, странно, что про эту Кису не слышала.
- Чем была знаменита Вика Федорова? – поинтересовалась я. – Певица? Актриса?
- Бывшая жена миллиардера Семена Федорова, – пустился в объяснения Андрюша, – ушлая дамочка. Отжала у Сени уйму деньжищ, дома в Югославии, Испании, Лондоне, еще где-то. Федоров с ней пожил, а потом решил поменять ее на молоденькую. Он думал, что быстро холостым станет. Вика тусовки любила, за вечер на трех побывать могла. Но пока штамп в паспорте имела, на других мужиков не смотрела. За Федоровой пытались ухлестывать, она веселая, заводная была. Я знаю парочку бизнесменов, которые ей прямо предлагали: «Бросай Семена, живи со мной». И молодые жиголо, которых на вечеринках полно, тоже под нее клинья подбивали. Но она отвечала: «Я обожаю своего мужа!»
- Выпить Викуся любила, нюхнуть кокаина, но налево ни-ни. Ни разу ее на измене не поймали. Или она очень хитрая, осторожная была. А еще капризная, скандалистка, любимый нами ньюсмейкер. Если Вика на вечеринку заявила, жди красивого скандала. Ни разу журналистов

не подвела, такие костры зажигала! Ей голову алкоголь сносил, переберет, и давай фейерверк запускать.

– Странно, что ее приглашали, – удивилась я.

– Нет, – усмехнулся Локтев. – Зачем тусню собирают? Ради фото, статей, телесюжета о мероприятии. А где Вика, там всегда камеры и толпа папарацци. Федорову не просто приглашали, ее умоляли заглянуть хоть ненадолго. А она никогда не была вредной, легко соглашалась. С ней было удобно иметь дело.

Сеня думал, что они мирно разойдутся, даст он бывшей немного отступных, алименты на дочь платить будет. И ба-бах! Шумный бракоразводный процесс, Вика откусила у супруга половину состояния и опеку над дочкой. Та конкретно заявила: «Папа урод, хочу жить с мамой».

Ну и после развода понеслось! Федорова, как с цепи сорвалась, превратилась в женщину-вамп. Ей приписывали отношения с кучей мужиков. Вика никаких комментариев не давала, пару недель с одним парнем тусовалась, потом, бац, у нее уже другой. Лично я про Федорову некоторое время назад статью написал под названием «Штамп на сердце женщины-вамп».

– Красиво, но непонятно, – пробормотала я, – причем здесь штамп?

Локтев слегка обиделся.

– Ты просто публикацию не читала, там хорошо объясняется: Вика никого не любит, у нее на сердце стоит штамп «Продается дорого».

Будка охраны открылась, показался Дегтярев.

– Вылезай скорей, – велела я, – полковник идет.

– Спрячусь сзади, вези меня в поселок, – попросил Локтев.

– Нет, – отказалась я. – Александр Михайлович обернется, увидит тебя, устроит скандал.

– Я сползу на пол, он не заметит.

– Нет.

– Я предупредил тебя о предстоящем интервью с Марфой Демидовой, должок за тобой.

– Наоборот, это ты мне должен за услугу, – напомнила я.

– Не ожидал такого к себе отношения, – обиделся Андрей.

Сзади раздался громкий хлопок, я поняла, что журналист выбрался наружу и что есть силы хлопнул дверцей.

– У большинства людей, которые попадают мне на жизненном пути, отсутствует мозг, – заявил Дегтярев, усаживаясь на переднее сиденье. – Езжай, налево, теперь направо, стой!

Я послушно затормозила.

– Подожди, – велел толстяк, вышел и двинулся к забору, за которым виднелся роскошный особняк, отделанный мраморными плитами. Сзади послышался шорох, потом тихое покашливание. Я обернулась и увидела Локтева, который вылезал из салона наружу.

– Ты же остался у ворот, – возмутилась я, тоже выходя из машины.

– Не-а, – довольно засмеялся главный редактор «Желтухи», – я спрятался.

– Дверью сильно хлопнул, когда выходил, – удивилась я и тут же поняла, в чем дело: – Просто ты ее открыл-закрыл, а сам затаился. Вдруг бы Александр Михайлович обернулся и тебя заметил? Хоть понимаешь, как мне от Дегтярева влетело бы?

– Полковник толстый, живот у него арбузом, шея размером с колонну Большого театра, – заржал Андрюша. – «Мини-Купер» крошечный. Без шансов твоему Шерлоку Холмсу увидеть, что на заднем сиденье творится.

– Можно в зеркало посмотреть, – не успокаивалась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.